

Оливия Штерн

Герцогиня

16+

Оливия Штерн
Герцогиня

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Штерн О.

Герцогиня / О. Штерн — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Если вам достался в наследство перстень с неизвестным науке камнем, не торопитесь идти к ювелиру. Потому что запросто может оказаться, что наследство – ключ от двери, ведущей в соседний мир. И может случиться так, что ваше истинное место там, где испокон веков враждуют герцогства, а великий маг открыл суть Источника. И кто-то окажется предателем, кто-то – героем, кто-то – увлечением, а кто-то – просто любовью всей жизни...

Содержание

Глава 1. Лина	6
Глава 2. Макс	14
Глава 3. Лина	21
Глава 4. Макс	29
Глава 5. Лина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Глава 1. Лина

Косой ливень хлестал по козырьку навеса так, словно вознамерился сбить его наземь. Редкие прохожие пробегали мимо размытыми серыми пятнами, зонты выворачивало, пролетающие по дороге машины вздымали веера мутной воды.

Лина стояла под навесом, прижавшись спиной к шершавой облицовке здания. До предательства ей остался только один шаг – повернись, потяни на себя никелированную ручку, распахни стеклянную дверь. Ювелирный салон, единственный в этом сером городке, манил светом и теплом. А Лина все еще сомневалась, продолжая жаться к стене.

...Все дело в том, что беда приходит всегда неожиданно.

Неделю назад умерла бабушка, с которой Лина жила с самого детства – «мама и папа пропали без вести во время круиза, их так и не нашли» – но не сразу умерла. Сперва случился инсульт, и все, что успела она сделать – показала на вечно запертый ящик комода. «Бери... Твое...»

И все. Больше ничего не сказала. Лина вызвала «скорую», бабушка еще сутки пролежала в коме – и умерла. На похороны ушли все скромные сбережения студентки факультета иностранных языков и лингвистики. Потом были срочные поиски работы, но кто даст хорошую работу семнадцатилетнему заморышу? От предложения «обслужить» гостей директора сама отказалась. Того, что давало репетиторство, едва хватало на коммуналку и еду. Но момент истины наступил, когда настало время оплачивать следующий год обучения: ВУЗ был коммерческим, а бабуля смотрела в будущее чрезмерно оптимистично.

И вот тогда и вспомнились последние, вымученные, проговоренные непослушным языком слова: «бери. твое».

А вдруг?..

Лина ключа не нашла, пришлось ломать замок.

Пока орудовала древней, побитой ржавчиной стамеской, позволила себе помечтать о припрятанных пачках денег. Или о шкатулке с фамильными драгоценностями.

Шкатулку-то нашла.

А вот содержимое, откровенно говоря, разочаровало.

В маленькой, обитой изнутри черным бархатом коробочке лежал серебряный перстень с куском необработанного белого камня. Само украшение было непомерно огромным, на крупную мужскую руку. Мерить нет смысла.

Пожав плечами, Лина вооружилась интернетом и попробовала определить, что ж за минерал использовали в качестве вставки. Очень он был похож на белый губчатый коралл, но на изломе блестел слюдяными чешуйками. Поиски оказались бесплодными.

И вот тогда Лина впервые задумалась о том, что перстень, скорее всего, придется продать – потому что иначе ей не оплатить учебу. Горькой оказалась эта мысль, потому что была предательством бабушки. С другой стороны, не меньшим предательством казался отказ от учебы. А уж как бабушка радовалась оценкам в ведомости!

Лина не торопилась. Прикинув, сколько может заработать на помыве подъездов, от идеи стать уборщицей отказалась.

Потом прибавилось учеников, но оплату нужно было производить, как говорят, одновременно.

И Лина приняла решение: попытаться заложить перстень в ломбард, чтобы затем выкупить. Но, прежде чем отправляться в пропахший нафталином и сыростью подвал – где размещалось сие достойное заведение – решила сходить в ювелирный салон, чтобы там оценить перстень там.

...А вот теперь, промокнув до нитки, стоя под навесом, не могла решиться. Почему-то даже попытка заложить драгоценность начинала казаться самым страшным предательством. Ведь неспроста же бабушка хранила его запертым в ящике? Жаль, что не успела ничего рассказать толком.

Между тем день клонился к вечеру. Дождь утихал, людей на улице чуть прибавилось. Витрины ювелирного магазина сияли роскошью и золотом, маня, обещая, почти гарантируя... Удачу? Счастье? То самое happily ever after?...

Лина вздохнула и, стиснув зубы, взялась за холодную ручку. Потянула на себя... И, шагнув внутрь, внезапно осознала собственную неуместность в этом блистательном заведении.

Витрины располагались по периметру помещения. Ухоженные продавщицы с некоторым недоумением взирали на нее – мокрую и взъерошенную. Такие, как Лина, не шастают по ювелирным салонам. Такие должны мыть подъезды, торговать на рынке. Понимая, что пауза затягивается, Лина откашлялась.

– Извините, здесь есть ювелир?

Ближайшая продавщица приподняла красиво подведенную бровь.

– Мне нужен ювелир, – уже громче повторила Лина.

– Ма-акс! – визгливо и очень жеманно позвала одна из девиц. Так, что у Лины сразу возникло подозрение, что эта сотрудница давно и безрезультатно этого самого Макса обхаживает.

– Максик, к тебе тут... пришла...

Хлопнула дверь где-то, и через минуту у дальней витрины появился мужчина.

– Ко мне? – обронил коротко, – девушка, подходите, что там у вас?

Лина глубоко вздохнула.

Что ж, неплохое начало.

Деловой тон, человек экономит свое время. Ну так и она не будет заставлять себя ждать.

Быстро прошагав по зеркальному полу, Лина остановилась перед витриной. Оглядела ювелира – непонятного возраста мужик, седой, но лицо совсем не старое. Брови темные. Легкая щетина, тоже темная. А взгляд – неприятный, колючий. Радужки светло-серые с темным ободком.

– У меня... вот... – она быстро размотала носовой платок. На пальце носить перстень даже не пыталась – слишком велик.

– Мне бы хотелось узнать, сколько он может стоить, – решительно добавила Лина.

– Вы позволите? – мужчина протянул руку ладонью вверх, и Лине ничего не оставалось, как положить туда свое сокровище. В глаза бросился белый рваный шрам через всю ладонь, как будто руку ювелира рвала собака.

Воцарилась тишина, изредка прерываемая презрительным хмыканьем продавщиц.

Ювелир спокойно разглядывал перстень сквозь увеличительное стекло, Лина молча ожидала вердикта. Почему-то ей очень хотелось, чтобы кольцо оказалось дешевкой – тогда бы закладывать его не имело смысла, и бабушкино наследство осталось бы с ней. Внезапно она поймала на себе тяжелый взгляд мужчины.

– Что?

– Оно ваше?

– Ну да... – пожала плечами, – оно досталось мне... от бабушки.

– А что с бабушкой стряслось?

– Если бы она была жива, я бы здесь не стояла, – огрызнулась Лина.

– Понятно, – спокойно сказал ювелир, – к сожалению, этот перстень ничего не стоит. Ну, серебра на две тысячи... Но я так понимаю, что это не та сумма, о которой вы мечтали, верно?

– А камень?

– Что – камень?

– Я бы хотела знать, что это за камень, – настойчиво сказала Лина. Ювелир ей нравился все меньше.

– Не бриллиант, это точно, – он усмехнулся, продолжая давить ее тяжелым взглядом, – минерал называется абракс. Но вряд ли вы встретите его в справочниках. Большая редкость здесь совершенно бесполезная.

...Лина выходила из ювелирного в смешанных чувствах. Она была рада, потому что не пришлось закладывать перстень и предавать память бабушки. Она была раздосадована тем, что перспектив раздобыть денег больше не было. А еще ее немного задел снисходительный тон ювелира. «Не бриллиант»... Ну и ладно.

Лина вышла в зарядивший с удвоенной силой ливень и побрела в их бывшую с бабушкой квартиру – всего лишь в двух кварталах.

И поэтому она не могла видеть, как, проводив ее взглядом, ювелир подхватил со спинки стула зонт и тоже последовал к выходу.

– Макс? Ты куда?

– За сигаретами.

– Оденься, осень же!

Всего этого Лина не видела, и потому не насторожилась.

Она брела сквозь бушующий ливень, мечтала о кружке горячего какао, и – совсем чуть-чуть о том, что, будь живы родители, все сложилось бы по-иному.

Дождь лил всю ночь. Лил он и утром, шумя, барабанил по стеклам и металлическим отливам.

Она проснулась в темноте, протянула руку и, нащупав выключатель, щелкнула кнопкой. Зажглась маленькая настольная лампа на тумбочке, конус желтоватого света выхватил из темноты угол кровати, фотографию в керамической рамке, что стояла рядом с лампой. Там Лина была с бабушкой, сфотографировались пару лет назад...

Тоскливо.

Лина потерла глаза, разгоняя навернувшиеся слезы, отвернулась. Потом, не удержавшись, всхлипнула и уткнулась носом в подушку. Эх.

Смотреть на фотографию было невыносимо.

Шмыгнув носом, Лина выбралась из-под одеяла, поежилась. По квартире гуляли сквозняки, оконные рамы были очень старыми, как раз перед бабушкиной смертью они собирались поставить новые стеклопакеты, но, видать, не судьба.

Лина зевнула, поглядела на будильник: пора собираться в институт. Побрела в ванную. Пока чистила зубы, рассматривала свою бледную, худую и совершенно немилостивую физиономию в обрамлении рваных черных прядок. Все слишком резкое: ломаные брови, острый нос, острые скулы и подбородок. Губы тонковатые для девичьего личика. Пожалуй, только глаза хороши – большие, холодного бирюзово-зеленого оттенка. Лина повертелась еще немного перед зеркалом, прикидывая, что надо бы купить пуш-ап бюстгальтер, дабы скромная «двочка» стала казаться «троечкой». Можно, конечно, сколько угодно себе твердить, что плевать на мнение окружающих, на презрительное хмыканье девиц во вчерашнем магазине – но ведь это не так. Все равно задевает, и все равно обидно... Вон, одноклассницы уже давно при парнях, а ее все чураются, как будто урод.

Девушка хмыкнула, сбросила пижаму и, прошлепав босиком в спальню, принялась одеваться. На завтрак времени не оставалось – решила перекусить в институтской столовой. Впрыгнула в джинсы, нырнула в джемпер. Обулась, накинула куртку, которая – слава Богу – успела просохнуть за ночь – и устремилась к двери.

Уже распахивая дверь, Лина подумала:

«Попробую договориться о рассрочке с оплатой. Все-таки обстоятельства... Н-да, обстоятельства...»

А потом – болезненный толчок в грудь, и она с некоторым удивлением поняла, что летит. Летит через весь коридор, а в дверях – вчерашний ювелир.

Страшный, выбивающий дыхание, удар спиной о стену.

Гул в ушах, темнота сгущается перед глазами.

Все.

...реальность возвращалась медленно и как бы неохотно.

С трудом разлепив веки, Лина огляделась. Она лежала на полу собственной спальни. Попробовала шевельнуться – не смогла, запястья и щиколотки резнуло болью. С губ сорвался невольный стон. Да что ж это такое? И в этот миг она вспомнила. Распахнутую дверь. Мужской силуэт, тенью мелькнувший в темном подъезде. Удар в грудь, до искр из глаз, полет...

– Очнулась, – холодно подытожил знакомый уже голос, – отвечай, где кольцо.

Черт... Лина прикрыла глаза, неосознанно выгадывая драгоценные секунды. Кольцо... вернувшись вечером, она его сунула в ящик прикроватной тумбочки...

– Лучше скажи сразу. Я все равно его найду. После того, как тебя убью.

В это мгновение ей нестерпимо захотелось плакать – от накотившей безысходности, отчаяния. Господи, да что ж это? За что ее убивать?

И Лина повторила вопрос вслух.

– Я вам... ничего плохого не сделала...

– Не сделала, – сухо согласился ювелир. Он стоял так, что она его не могла видеть. А перевернуться на другой бок со связанными руками и ногами не могла. – Таков приказ, ничего личного. Где кольцо?

Лина всхлипнула. Ее, черт возьми, заказали. Девчонку, которая за свою жизнь и котенка не обидела! И выхода не видно...

– Отпустите меня, – глотая слезы, тихо попросила она, – я уеду из города, никто ничего не узнает.

– Я привык исполнять приказы хозяина. Если ты через десять секунд не скажешь, где кольцо, то мне придется выбивать признание.

– Кольцо... – в голове вдруг мелькнула светлая мысль, – я заложила его в ломбарде.

– Врешь. Ты никуда не ходила после того, как побывала у меня.

«Следил, значит», – Лина стиснула зубы.

Внезапно страх уступил место ненависти – яркой как сверхновая.

– Не получишь ты кольцо, – процедила она, – надо – сам ищи.

Раздались звуки шагов, Лину подхватили сильные руки, повернули – и она получила возможность взглянуть в серые глаза собственной смерти.

– Тебе когда-нибудь ломали пальцы? – без тени улыбки спросил он, – а кости? Просто так, одну за другой?

Лина замотала головой. И все-таки заплакала.

– Я... вам ничего... не сделала. За что?

– Кольцо. Мне нужно кольцо. Скажи, где оно, и умрешь быстро.

– Вы хороший человек, – выдохнула девушка, – пожалуйста...

– Ты ошибаешься, – глухо сказал мужчина и нахмурился, – я не хороший человек. Возможно, когда-то им был, давно... Но не теперь.

Он с силой припечатал Лину к полу, так, что зубы клацнули, и быстро огляделся.

«Кричи, кричи, дура!» – мелькнула мысль, но горло сжал спазм. Не то, что кричать, дышать едва могла.

Между тем тот, кого в ювелирном салоне знали как Макса, прошелся по комнате, остановился перед прикроватной тумбочкой и уставился на фотографию в рамке. Там, где Лина с бабушкой, и бабушка еще моложавая и веселая.

– Это кто? – хмуро спросил мужчина, беря в руки рамку, – быстро отвечай.

– Бабушка моя, – просипела девушка. Горло отпускало помаленьку, еще немного – и можно будет заорать, зовя на помощь. Разумеется, спасти никто не бросится, но можно привлечь к себе внимание. Звукоизоляция в квартирах была никудышной.

– Это она тебе кольцо оставила? – уточнил он, – говори, где оно.

– Не скажу, – Лина даже отвернулась.

– Возможно, это твой единственный путь к спасению.

Вот те раз!

Он передумал ее убивать?

Или... заберет кольцо, и все равно убьет потом?

Но, пока раздумывала, ювелир по наитию выдвинул ящик и удовлетворенно хмыкнул.

– Не убивайте меня, – тихо попросила Лина.

В свете хмурого октябрьского утра она разглядывала своего убийцу, а тот, в свою очередь, перстень, поворачивая его то одним, то другим боком. Выглядел при этом ювелир так, словно решал в уме очень сложную задачу, и от результата ее решения зависела судьба целого мира.

«Сколько ему лет?» – мелькнула совершенно неуместная мысль, – «он ведь молодой... а голова седая...»

Взгляд Лины скользнул по несколько худощавой, поджарой фигуре Макса. Он был одет в мешковатый черный джемпер и черные же джинсы – видимо, на черном пятна крови не так заметны. Лицо казалось смутно знакомым, резкие черты, острые скулы, густые темные брови вразлет. Тяжелый подбородок, выдающий такой же тяжелый характер. Губы сжаты в линию, тонковаты. И острый нос с горбинкой, ноздри раздуваются хищно – как у зверя, почувшего легкую добычу.

Бред какой-то. Ну нигде не могла она его раньше видеть!

Он повернулся резко, почувствовал, что его рассматривают. Давил взглядом несколько мгновений, а затем одним стремительным движением приблизился, подхватил Лину под мышки, поднял и встряхнул.

– Значит так, слушай внимательно. Сейчас я заберу кольцо, и это будет платой за сохраненную жизнь. А ты забудешь, навсегда забудешь о том, что у тебя это кольцо было, и что ты меня встречала. Поняла? Если бы я мог, то отнял бы твои воспоминания, но я не могу... Но от того, будешь ты молчать, или проболтаешься, зависит твоя дальнейшая жизнь.

Лина растерянно кивнула. Впрочем, выбирать ей никто не предлагал.

Мужчина легко подтащил ее к кровати, швырнул на покрывало лицом вниз.

– Не надо, – только и пробормотала Лина.

Нехорошие подозрения закрались в душу.

– Что – не надо? – теперь в голосе прозвучала насмешка, – я всего лишь тебя освобождаю.

Дзиньк! Боль, стянувшая запястья, исчезла. Дзиньк! Лина слабо шевельнула ногами и поняла, что совершенно свободна.

В тот же миг ее резко перевернули на спину. Лина зажмурилась, подспудно ожидая, что сейчас он начнет сдирать с нее одежду... Ну или как там это бывает в подобных ситуациях...

– Дай руку. Тьфу, да не будь же ты такой дурой, – процедил ювелир.

Не церемонясь, он схватил ее за запястье – синяки точно останутся – и быстро надел на средний палец злополучный перстень.

– Раньше его мерила, нет? Разумеется, нет. Иначе ты бы не потащила его с намерением продать...

Лина осторожно приоткрыла глаз. Затем второй.

Он по-прежнему сжимал ее руку. Тяжелый перстень болтался на среднем пальце, но при этом... Черт, черт! Камень из белого медленно, очень неохотно окрашивался в красный цвет и становился прозрачным. Куда-то ушла пористость, теперь загадочный минерал становился похожим на горный хрусталь. Только алый.

– Об этом тоже пока забудь, – с угрозой произнес мужчина, быстро стянул перстень и сунул его в карман джинсов.

Он снова задумался, нервно меряя шагами комнату и время от времени поглядывая на съезжившуюся на кровати Лину.

«Закричать, что ли?» – девушка, не отрываясь, следила за ним, – «я могу сейчас вскочить и... убежать... Да, убежать! Нет... не даст, догонит... и тогда точно убьет».

Ювелир снова оказался рядом, склонился над ней, так что Лина ощутила тепло чужого дыхания на щеке.

– Завтра вечером, ровно в шесть часов, ты придешь ко входу в парк. На третьей скамейке справа от входа будет лежать спичечный коробок. Ты его возьмешь себе. Поняла?

Лина зажмурилась.

– Поняла?! – рявкнул мужчина, – если ты этого не сделаешь, я найду тебя и точно убью. Где бы ты ни была, где бы ни пряталась, найду. У меня это хорошо получается.

Она кивнула, и слезы покатались по щекам. Ювелир с шумом втянул воздух, словно принюхиваясь, втягивая запах страха и слез. Потом, уже спокойно, добавил:

– Никому, никогда ни при каких обстоятельствах не говори о том, что меня видела. Тебе все понятно? Не забудешь?

Лина торопливо закивала, давась рыданиями.

– Хорошего дня, – усмехнулся мужчина.

А через несколько секунд его уже не было в квартире.

Тогда Лина, сжавшись в комок, дала волю слезам. Еще никогда в жизни ей не было так страшно. Хотя, пожалуй, все же было – когда бабушку увезли в больницу, а она осталась одна и всю ночь просидела, слепо уставившись в темный прямоугольник окна.

Что же теперь делать?

Ее трясло от пережитого, зуб на зуб не попадал.

Первым порывом было позвонить в полицию и рассказать о том, что ее угрожает убить ювелир из «Золотого подарка». О'кей. Допустим, ее слова принимаются на веру, она пишет заявление и... Что дальше? Возможно, его арестуют на положенное количество суток. И отпустят. Ведь никто не слышал, что он обещал ее убить, свидетелей не будет. А дальше?

Ты, детка, проговоришься. Изволь на тот свет.

А если последовать указаниям? Пресловутая коробочка на скамейке. А вдруг там наркотики, и ее хотят подставить?

Тоже плохо.

Перед глазами сам собой материализовался перстень с камнем, наливающимся прозрачным алым пламенем. Та еще чертовщина. Лина не верила ни в колдунов, ни в ведьм, ни в экстрасенсов. Но то, что произошло, не вязалось ни с одной из известных ей научных теорий, не поддавалось объяснению.

Впрочем, это могла быть голограмма. Да, голограмма! Потому что еще не бывало такого, чтобы камень менял не только цвет, но и структуру!

...Лина вскочила с кровати, заметалась по комнате.

Решение пришло спонтанно – она не будет дожидаться завтрашнего дня, не будет ввязываться в странные истории со спичечными коробками. Она соберет все самое ценное, запрет квартиру и ближайшим рейсовым автобусом покинет город. Куда ехать? Хороший вопрос.

Лина точно знала, что ее старая школьная подружка в Москве, снимает квартиру. Номер телефона имелся. А уж в мегаполисе затеряться проще простого.

Еще несколько секунд она бегала туда-сюда по старому, стоптанному половику. Потом подобрала в прихожей сумку, достала мобильник и набрала заветную комбинацию цифр.

С замирающим сердцем слушала длинные, выматывающе длинные гудки, пока, наконец, Леночка не взяла трубку.

– Лен, привет, – задыхаясь от волнения, сказала Лина.

– О! Линка! Ты, что ли? Давненько тебя не слышала! Ты как?

Она стояла у стола, барабанила пальцами по полированному дереву.

– Да так... не очень, честно говоря.

– Что случилось? – веселья в голосе Леночки поубавилось, но звучал он все равно бодро. «Конечно, тебя же не швыряют по всей квартире, и не угрожают убить».

Лина вздохнула.

– Мне надо спрятаться в Москве, – сказала глухо, – можно будет пожить у тебя, пока не найду жилье?

– От кого прячемся? От поклонника?

– Типа того, – вздохнула Лина, – понимаешь... я не могу тебе сейчас рассказать всего.

Можно я подробно по приезду, а?

– Ну... – воцарилась неловкая пауза, Лина вцепилась в край столешницы, – приезжай!

А что бабуля твоя говорит по этому поводу?

– Э... видишь ли... умерла бабушка.

– Ой, – пролепетала Леночка, – бедная ты моя. Когда приехать думаешь?

– Завтра днем. Сегодня выезжаю.

– Хорошо. Тогда и поговорим, как приедешь.

И завершила звонок.

Лина выдохнула с облегчением, вытерла выступившие на лбу бисеринки пота. Ну, хоть здесь повезло, если, конечно, столь спешный переезд вообще можно назвать везением...

И она приступила к сборам, которые не были долгими. Только самое необходимое, смена белья, деньги – все, что были, документы. Лина покрутилась, стоя в центре комнаты, затем взяла со стола рамку с фотографией. Подумав секунду, подхватила ножницы и, вырезав прямоугольный кусок, где была бабушка, вложила его под обложку паспорта. Теперь – точно все.

Она еще раз проверила, перекрыт ли газ на кухне и хорошо ли закручены вентили в ванной комнате, обулась, набросила куртку, на голову натянула тонкую шерстяную шапочку, поглубже, до бровей. Еще раз огляделась, на всякий случай прощаясь с местом, где провела всю сознательную жизнь, и вышла в тамбур.

В соседней квартире обитала одинокая, только что вышедшая на пенсию Людмила Петровна. Девушка позвонила в дверь, моля мироздание, чтобы соседка оказалась на месте. Ей повезло и сейчас.

– А-а, Линочка! Что тебе, детка?

Людмила Петровна была женщиной больших габаритов и столь же широкой души. Тщательно выбеленные волосы она держала в бигудях, выпуская на свободу исключительно когда выходила в магазин, а пышные формы – в роскошном шелковом халате, черном с алыми розами.

– Здравсьте, тетя Люда. Мне вот уехать надо. Можно я вам ключи оставлю, ну, мало ли что?

– Конечно, детонька, давай сюда, – Лина положила ключ с брелоком на розовую круглую ладонь, – куда едешь-то? Родственники отыскались?

– Подруга к себе пригласила на недельку-другую, – девушка механически натянула поглубже шапочку. И добавила: – в Петербург.

– Дело хорошее, – Людмила Петровна подмигнула, – поезжай и ни о чем не беспокойся.
– Спасибо! Спасибо вам большое, – на радостях Лина чмокнула соседку в пропахшую пудрой щеку и поспешила вниз, перепрыгивая через ступеньку.

Пока что все шло без сучка, без задоринки.

На трамвае Лина добралась до автовокзала, купила в кассе билет на ближайший рейс до Москвы. Оставалось подождать с часок, и девушка устроилась в зале ожидания, положив рюкзак на скамейку рядом. Впрочем, скоро ей надоело сидеть в прокуренном и душном помещении, Лина вышла наружу.

Денек выдался сырой, туманный. Подъезжали и уезжали автобусы и маршрутки, сновали туда-сюда пассажиры. В воздухе повисла взвесь из жидкой грязи и выхлопов. Воняло при этом гадко, но куда денешься? Автовокзал – он такой... Чтобы скоротать время, Лина сунула в уши наушники, включила любимое «no light, no light» и, сунув руки поглубже в карманы, прикрыла глаза.

...No light, no light in your bright blue eyes

I never knew daylight could be so violent

A revelation in the light of day

You can choose what stays and what fades away...

Лина вздрогнула, ощутив на локте жесткие пальцы.

А когда увидела, кто ее держал, так и вообще тоненько завывла в голос. Ноги подкашивались.

– Далеко собралась? – прошипел Макс, дергая ее на себя, – а ну, пойдем, поговорим. Черт, я вообще не должен здесь находиться!

Поверх черного джемпера на нем была еще бесформенная ветровка, а так не изменилось ничего. Только во взгляде бушевало пламя.

– Я...я... – она вдруг нашла в себе силы, вывернулась из захвата, – уезжаю! Иди к черту!

– Вот как, – он остановился, оглядел ее с ног до головы, – и ты думаешь, что правильно поступаешь?

Тут же шагнул вперед, оказавшись к ней почти вплотную, и очень тихо, почти интимно шепнул на ухо:

– Знаешь, что отличает умную женщину от беспросветной дуры? Умная иногда слушает, что ей говорят заинтересованные мужчины, и следует полученным советам.

– Я сейчас позову полицию и скажу, что ты ко мне пристаешь, – огрызнулась Лина, – я уеду. И ты не будешь меня преследовать.

– Это ты на людях такая смелая? – на тонких губах Макса появилась ухмылка, не предвещающая ничего хорошего, – сегодня утром ты была готова в кровати обмочиться...

– Да что ты обо мне знаешь! – она медленно попятилась, – козел, оставь меня в покое! Я никому – слышишь? – никому и никогда не сделала ничего плохого! Получил свое – отвали! Какого хрена тебе от меня еще нужно?..

– Жаль, – Макс прищурился зло, – я старался, как мог... Стой!!!

Кажется, она оступилась. Взмахнула неуклюже руками, пытаясь удержать равновесие. И, падая, заваливаясь назад, в пол-оборота увидела внезапно надвинувшуюся прозрачную кабину рейсового автобуса, красное перекошенное лицо водителя и край далекого, равнодушного ко всему неба.

Глава 2. Макс

... – Извольте подождать, лорд Вилмер примет вас через пол-часа.

Максимус Обри Тал, подавив раздражение, прошелся по великолепному, одетому в розовый мрамор, холлу. Лорд Вилмер, мать его. Извольте подождать. Проклятый сукин сын не упускал ни одной возможности лишней раз ткнуть своего раба носом в то, кем он является. Даже сейчас, зная, насколько важны новости, лорд не изменял своим привычкам – не смотря на то, что в это время был совершенно ничем не занят.

Максимус прошелся туда-сюда, разглядывая портреты представителей рода Вилмер, отметил плебейскую округлость черт у одной из двоюродных тетушек нынешнего владетельного лорда, затем уселся в одно из кресел, механически стряхнул налипшую на рукав соринку. Огромные напольные часы у противоположной стены пробили одиннадцать.

Максимус устало потер глаза.

Вся эта суета с порталами, перемещениями и делами, которые он планировал скрывать от Вилмера до поры до времени, утомили. Из головы не шла та девчонка с лицом высшей аристократки, которую за каким-то дьяволом занесло в соседнюю сферу и которую было приказано убить.

Вилмер показал дагерротипическое изображение перстня с абраксом. «Обладателя убрать, без шумихи и лишней грязи». Максимус тогда лишь плечами пожал, в конце концов, далеко не первое убийство по приказу этого разжиревшего паука. В качестве ориентира ему была выдана кружевная пеленка, по кайме вышитая маленькими розочками. Максимус подержал ее в руках, а потом, полагаясь на чутье мага-поисковика, отправился в путешествие, которое в итоге привело его через портал в соседнюю Сферу.

Если бы у него спросили, как именно он ищет – не смог бы объяснить. Урожденный поисковик, он никогда не учился, слишком рано попал к Вилмеру, и тот начал его использовать совсем в иных целях, пользуясь, тем не менее, и Даром. Поиск был сродни некоторому беспокойству. Постоянно прикасаешься к вещи человека, которого нужно разыскать. Прибываешь на очередное место, а беспокойство ворочается внутри, не дает покоя – значит, надо двигаться дальше, полностью полагаясь на то самое шестое чувство.

Так получилось и с перстнем: ведомый Даром, Максимус исколесил пол-мира, до предела накачал себя различными языками и диалектами, благо, маг-лингвист наделил всем для этого необходимым. Упорно следовал в одном направлении до тех пор, пока не осел в провинциальном городишке на должности местного ювелира. То, что заставляло переезжать с места на место, наконец успокоилось. А примерно через месяц появилась *она*.

Максимус невольно усмехнулся, вспоминая тщедушную фигурку, оставляющую мокрые следы на зеркальном полу магазина. Эти глупые курицы, продавщицы, наверняка бы отправили девочку восвояси, он появился весьма вовремя. Одного взгляда на посетительницу хватило, чтобы понять – она явно не из этой Сферы, слишком резкие черты лица, да и вся она – невесомая и острая как лезвие бритвы. Волосы налипли черными перышками на лоб и щеки, и глазщица цвета озера Нэлфи в солнечную погоду.

Девчонка принесла перстень, и должна была быть устранена.

... Но кое-что сильно смутило Максимуса во всей этой истории.

Во-первых, внешний вид девицы, соответствующий каноническим представлениям истинной, аристократической красоты Перкотта.

Во-вторых... на фотографии он увидел ее бабуку, которая ни в коей мере не являлась ей родней, это было видно. Плебейка с оплывшим подбородком. Следовательно, девочку просто вырастили здесь, а родители ее... Неведомо где.

Добил Максимуса результат маленького эксперимента с абраксом. Девочка-то была Источником, да еще каким! Пожалуй, даже у самого Вилмера цвет абракса не достигал столь насыщенного, винно-красного цвета.

И тогда настало время принимать решение. Учесть все «за» и «против».

Впрочем, много времени Максимуму не понадобилось: Вилмера он ненавидел с того самого момента, как эта тварь с шуточками и прибаутками вскрыла ему грудную клетку. Оставалась самая малость – до поры до времени хранить все в тайне, а заодно разобраться, откуда, из какой семьи появился Источник. Семей, уничтоженных Вилмером, было превеликое множество – равно как и захваченных им территорий.

... – Его Светлость ожидает, извольте следовать за мной, – лакей низко поклонился.

Максимум поднялся, расправил сюртук, подхватил шляпу и пошел к хозяину.

Кабинет лорда Вилмера должен был поражать – и действительно поражал – роскошью отделки. Пол, стены, потолок – все было зашито резными панелями из бесценного амарантового дерева, и рисунок был столь тонким и затейливым, что наверняка не обошлось без абраковского резца, не столько режущего, сколько прожигающего в толстой древесине крошечные отверстия. Пол-стены кабинета занимало окно, сразу под ним располагался письменный стол впечатляющих размеров. Рядом стояло мягкое кресло, обшитое кожей теплого шоколадного цвета – для посетителей. Но Максимум никогда не садился в присутствии Вилмера, рабу положено стоять навытяжку.

А еще здесь было очень много книг – старых, в дорогих переплетах. Максимум многое бы отдал, чтобы полистать их. Но просить у старого паука? Никогда.

К слову, паук восседал за столом, наслаждаясь чашечкой кофе. Зерна кофейные возили в Перкотт из Мелебра, колонии далеко за Южным морем, и стоило это удовольствие тоже соответственно. Но Вилмер был Источником, единственным сильным источником на тысячи акров вокруг – и, соответственно, мог позволить себе такую мелочь, как чашечка драгоценного напитка.

Максимум вошел, молча склонил голову в знак приветствия. Он знал, что Вилмер любит, когда кланяются, и намеренно едва кивал. Пусть, сукин сын, терпит. Максимум Обри Тал тоже дорогое удовольствие, еще дороже кофе.

Герцог Вилмер пожевал тонкими, как нитка, губами. Почему-то потянул острым длинным носом. Глубоко посаженные черные глаза буравили, и, будь Вилмер менталистом, Максимум ни за что не попытался бы его обмануть. Но лорд был Источником, а посему...

– Мальчик мой, как я рад тебя видеть, – сухо проговорил Вилмер, хотя по тону было ясно, что не рад ни капли.

– Взаимно, – Максимум непринужденно улыбнулся.

Затем достал из кармана перстень и молча положил его на стол.

Костлявые пальцы Вилмера метнулись было к драгоценности, но замерли на пол-пути. Лорд откинулся на спинку кресла.

– Я вижу, абракс активирован.

– Наверное, примеряла, – неопределенно пожал плечами, – поэтому и явилась в ювелирный салон, мол, оцените, сколько стоит перстень с рубином.

– Хм...

Воцарилось молчание. Вилмер не сводил взгляда с полыхающего алым абракса.

«Завидуешь, тварь? Или... боишься? Боишься, что кого-нибудь еще успели спрятать?»

– Она мертва, я надеюсь? – наконец задал вопрос Вилмер.

– Да.

– И как ты ее убил?

Максимус ухмыльнулся, примеряя маску кровожадного подонка. Впрочем, разве он им не был?

– Вскрыл брюшину, перерезал горло...

– Довольно, – оборвал его лорд, – я же просил... чтоб без всей этой грязи... черт бы тебя побрал, Максимус. Слишком громкое убийство получится.

– Они не знают о существовании Сфер, это доподлинно известно. Убийцу никогда не найдут.

– Тебя, мой мальчик, надо держать на коротком поводке, – сказал Вилмер задумчиво, – кто знает, что за мысли бродят в твоей голове?

– Вы и так держите меня на коротком поводке, – криво улыбнулся Максимус, – за последнее дело... мне пришлось нелегко, и, между прочим, я ожидаю награды.

– Не можешь не напомнить.

Кряхтя, Вилмер выбрался из кресла.

Он был стар, этот паук. Жирненькое тельце на тонких ножках. Острые, пронзительно острые черты лица. Совершенно седые реденькие волосенки с плешью на макушке.

Чудовище, сожравшее всех конкурентов на много акров вокруг.

Чудовище, не гнушающееся убийством детей...

Максимус невольно подался назад, когда тощая рука Вилмера легла на грудь.

– Ну, ну, – усмехнулся тот, – уже пора бы привыкнуть...

Лорд прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, затем отнял руку.

– Там еще много, приходи позже.

– А если это «много» закончится на очередном вашем задании? – выдохнул Максимус.

– Тогда я найду другого мальчика из хорошей семьи. Поисковики все еще рождаются, не забывай.

Он с деланным безразличием пожал плечами.

– Как пожелаете, лорд Вилмер. Я могу идти?

– Да, конечно.

Чуть волоча правую ногу, старый паук обошел стол, открыл высокую шкатулку из черного дерева.

– Вот, бери. Небось, все деньги на шлюх спустил уже?

– Моя жизнь коротка, – Максимус принял из рук Вилмера увесистый мешочек, – уж лучше сдохнуть, находясь в...

– Все, довольно, довольно! – старый паук замахал руками, – ты дурно воспитан, мой мальчик, в мое время даже упоминать все это считалось верхом бесстыдства.

– Тогда откланиваюсь, – Максимус растянул губы в дежурной улыбке, – хорошего вам дня, вашсветлость.

– Я пришлю за тобой, когда будет нужно.

Старый паук умел держать на коротком поводке, ничего не поделаешь. Раньше, напиваясь вдрызг, засыпая в очередном притоне, Максимус перебирал в уме варианты, как отправиться в пекло. Иногда подумывал о том, чтобы прыгнуть с моста в зимний Дэнэй, что разделил Перхешт на верхний и нижний город. Порой решал, что, когда дойдет до края, попросту прирежет Вилмера и со смертью Источника сдохнет сам.

Но сейчас ему пришла в голову мысль, что, возможно, ему и придется убить хозяина, а заодно и самого себя – но сделать это не для того, чтобы прекратить собственные страдания, оборвать вытягивающую все силы зависимость – а ради того, чтобы место Вилмера занял другой Источник. Ну, или необязательно это будет Перхешт – можно ведь попытаться поднять один из опустевших городов к северу. Люди пойдут за Источником. Где есть Источник – там

работающие механизмы, много механизмов, там легче людской труд, там деньги, в конце концов, цивилизация. На севере осталось много неразработанных абраксовых месторождений, и поселения опустели именно после того, как лорд Вилмер одну за другой, совершенно безнаказанно и бездоказательно, уничтожил семьи немногочисленных Источников, стянув все ресурсы в земли Перкотта.

Максимус от души хлопнул дверью герцогского особняка, остановился посреди улицы, размышляя. Ему нужно было возвращаться к девчонке. Когда уезжал, она все еще была без сознания. Хоть он и выдернул ее в последний момент уже из-под автобуса, но удара избежать не удалось. Тут и пришлось воспользоваться порталным амулетом, растаяв в тумане прямо посреди автовокзала. А ведь планировал все сделать по-иному, правильно.

Он направился к припаркованному автомобилю. В соседней Сфере с этим, конечно, было получше. Двигатель внутреннего сгорания оказался штукой куда более эффективной, чем абраксовый. Но здесь альтернативы абраксу просто не было; Источники и абракс были благословением и проклятием этого мира.

Открыл дверь, уселся на жесткое, обтянутое кожей сиденье, положил руки на неуклюжий и неудобный руль.

– Максимус! Приятель, ты ли это? Уже вернулся?

Он обернулся.

По узкому тротуару к нему спешил щегольски одетый мужчина, и приходился он лорду Вилмеру родным племянником. К несчастью – или наоборот, к великой удаче этого парня – Дар в нем едва теплится, не хватало даже для того, чтобы зарядить кристалл для хронографа. По этой причине сей аристократ жил припеваючи под дядиным крылышком, не делая при этом ничего хорошего или полезного... Впрочем, ничего дурного он тоже не делал, оставаясь для всех таким безобидным добрым малым. А напиваясь, творил совершенное непотребство.

В тот миг, когда длинные, чувствительные пальцы Дамиана легли на полированное дерево двери автомобиля, Максимус все же вспомнил, чем именно был занят племянник хозяина. Писал приключенческие романы, и их даже публиковали в литературном альманахе Перкоттских земель.

– Рад тебя видеть, дружище!

В ореховых глазах Дамиана плясали чертики.

– Куда собрался?

– В бордель, – солгал Максимус.

Он торопился к своему найденному Источнику, и проводить время в обществе повесы Дамиана в планы не входило.

– Ну так... Поехали вместе, напьемся.

– Тебе-то с чего?

Не дожидаясь приглашения, Дамиан ловко вскочил на пассажирское сиденье, разгладил и без того идеальные обшлага фисташкового сюртука.

– Поехали, на месте расскажу.

– Тогда обойдемся без шлюх, – мрачно согласился Максимус.

Он очень, очень надеялся на здравомыслие девочки, когда та придет в чувство. А также на чисто женское умение матушки Каппы налаживать отношения.

Питейное заведение, куда они зашли, было неприлично дорогим. Подавали вина двадцатилетней выдержки и – в качестве экзотики – ром из Мелебра. После первой порции рома Дамиан закурил сигару и откинулся на спинку кресла, выпуская колечки дыма. Максимус терпеть не мог табачного дыма, но ведь не запретишь. В этот час посетителей не было, вышколен-

ный официант принес заказ и упорхнул, неслышный точно мотылек. Зал плавал в полумраке, сквозь задернутые шторы пробивались редкие солнечные лучи.

– Ну, говори, что там у тебя, – Максимус демонстративно взглянул на хронограф.

– Ты выпей сперва, ну, давай же.

– Мне еще по делам ездить сегодня. Не могу.

– Фи, как ты скучен, – Дамиан налил вторую рюмку.

– Зато ты донельзя весел, – невзирая на разницу в занимаемом положении, Максимус особенно не церемонился. В конце концов, сам он тоже был не из самой захудалой семьи, ровно до тех пор, пока родители не погибли при странных обстоятельствах, и его не взял к себе дядюшка сидящего напротив человека.

– Злой ты сегодня. С чего бы??

– Я только что с задания твоего дражайшего родственника. Тебе рассказать, что именно я делал все это время?

– Фу, я и так в курсе, что ты кровавый мясник. В клубе тебя знаешь, как прозвали? Мистер Смерть. Никто ничего доподлинно не знает, но все догадываются... Кем ты состоишь при дяде. Не надоело?

– Надоело. Но что делать?

– Найди себе другой Источник. Я верю, что они еще где-то есть... Далеко отсюда. Да хоть в Мелебре, черт его побери. Думаю, тебе не откажут.

– Даже если я его и найду, вряд ли переживу еще подобную операцию, – хмыкнул Максимус, передергивая плечами.

– Прости... Не хотел.

– Ничего, я привык думать о том, что жизни мне отпущено ровно столько, сколько будет существовать лорд Вилмер. Если раньше не протяну ноги где-нибудь... Так о чем ты хотел рассказать?

Дамиан отложил сигару в хрустальную пепельницу, оперся на локти, придвигаясь ближе.

– Вчера... или нет, даже позавчера мне пришло анонимное письмо, в котором говорилось, что лорд Вилмер совершил слишком много преступлений, чтобы оставаться в живых. И что очень скоро дядюшка отправится напрямиком в Пекло. Я это тебе говорю, как другу. Мне хочется, чтобы ты подольше топтал эту землю. На дядюшку плевать.

– Интересно, – пробормотал Максимус, – письмо мне покажешь?

– Я тебе его вообще отдам. Ты же, вроде, поисковик по рождению? Найдешь этого мерзавца?

– Мерзавца? А ты думаешь, твой дядя – весь шелковый? Не приходило в голову, почему Перкотт стал центром абраксовой цивилизации? Почему соседние герцогства очень быстро стали нищими сырьевыми придатками?

– У них Источники закончились, – пробормотал Дамиан, – ты что, думаешь, что их дядька?..

– Я ничего не думаю, – внезапно накатило такое чувство безнадежности, что хоть волком вой, – письмо давай. Я тороплюсь.

– Забирай.

Дамиан нырнул во внутренний карман сюртука и выложил на скатерть тонкий конверт из дешевой бумаги. Поинтересовался тихо:

– Что ты будешь делать?

– Еще не знаю, – Максимус провел подушечками пальцев по краю конверта, потом резко поднялся, – мне пора, Дамиан. Я бы посидел с тобой еще, но у меня дела. Давай в другой раз.

– Я устраиваю через месяц бал. Приходи. Ну, ежели герцог Вилмер доживет... А он, сволочь, доживет. И всех нас еще переживет.

– Подумаю над этим.

Переехав мост через Дэнай и оказавшись в нижнем городе, Максимус чуть сбавил скорость. Улицы здесь были не чета тем, что в верхнем городе: узкие, все в ямах да выбоинах. Брусчатка осталась за линией величественного Дэная, здесь – только земля, глубокие колеи и ямы. Можно было сколь угодно поносить и ненавидеть лорда Вилмера, но кое-что хорошего старый паук все же сделал: каждое утро улицы города чистились машинами-уборщиками. Поддевая скребками мусор с дорог, они забрасывали его в мусоросборник. И в этом было спасение для нижнего – да и для верхнего Перхешта, иначе уже давно все было бы погребено под кучами отбросов.

Путь Максимуса лежал далеко, за пределы Перхешта, в одну из захудалых деревень на севере Перкотта. Матушка Каппа была очень, очень слабенькой магессой-целительницей, ее умений хватало исключительно сращивать переломы да лечить мастит у коров. Но в данном случае оставить девчонку-Источник у слабенькой целительницы было куда более правильно, чем у кого-либо другого. Шансов на скорое выздоровление существенно прибавлялось.

Максимус вздохнул с облегчением, выехав на северную дорогу. За ним никто хвостом не следовал, навстречу промчалась пара машин. Дальше он встречал исключительно телеги, запряженные лошадьми: все-таки машина в абраксовом мире была изрядной роскошью.

По обе стороны от дороги потянулись ярко-зеленые поля. Далеко, у самого горизонта, белели в хрустальной синеве вершины Абреста. Пересечь хребет не удалось еще никому, и что там, за белоснежными вершинами, оставалось загадкой. Дирижабли так высоко не поднимались. По морю плыть тоже не удалось – как будто специально кто-то отгородил их цивилизацию от остального мира этой Сферы.

Оставшись в одиночестве, Максимус размышлял.

Его изрядно встревожило письмо, полученное Дамианом. Выходило, что на герцога Вилмера начата охота, и убийца может объявиться когда угодно и где угодно. Раньше Максимус плюнул бы на все это, дождался спокойно, когда старого паука укукошат, и спокойно бы сам отправился вслед, в небытие.

Но теперь появилась она, новый и очень сильный Источник. Она могла бы дать новую жизнь северу.

Следовательно, ему самому было необходимо продержаться ровно до тех пор, пока девчонка не окажется в безопасности и пока не обретет определенную известность как Источник. Когда рядом с ней будут надежные люди, так просто ее уже не убьешь.

А, значит, ровно до этого момента должен был жить и Вилмер.

Выходило, что охрана и защита старого мерзавца становилась первоочередной задачей.

Максимус вздохнул. Все происходящее ему не нравилось. Еще неизвестно, как его встретят заговорщики – а в том, что найдет он их довольно быстро, сомнений не было.

Около пяти часов вечера Максимус въехал в деревню, где проживала достойнейшая матушка Каппа. Свернув в третий проулок с края, он проехал до самого последнего дома, поражаясь непривычной тишине, притормозил у ветхого забора. Уже выпрыгивая из кабины, почуял неладное. Тут бы сказать – сердце забилося, грозя выскочить из груди – но нет, оно, проклятое, билось очень ровно, идеально ровно.

Максимус еще раз огляделся. В самом деле, слишком безлюдно, слишком тихо вокруг...

Скрипнув зубами и не делая резких движений – на тот случай, если за ним наблюдают – достал из закрепленных на боку ножен охотничий нож. Калитка, ведущая в дом матушки Каппы, безвольно болталась на ветру. Максимус, крадучись, шагнул внутрь, скользнул под прикрытые стены. Заглянул осторожно в окно – никого. И – тишина, отвратительная смертельная тишина.

Он резким пинком отворил дверь, скользнул внутрь дома.

И остановился.

Внутри все было, что называется, вверх дном. Кто-то пришел, устроил погром, а потом...

Будучи не в состоянии унять охватившую его дрожь, Максимус шагнул вперед. Из-за перевернутого набок стола были видны неподвижные ноги матушки Каппы, один башмак содран и валялся чуть поодаль.

– Каппа! – позвал Максимус, – Каппа!..

Нет ответа.

Выдохнув, он обогнул стол и уставился на тело целительницы, из груди которой торчала рукоять ножа, который, скорее всего, прихватили здесь же, со стола.

Максимус выругался.

Выходило, на дом напали, матушку Каппу убили, а Источник...

Максимус обошел дом, перекидывая с места на место тряпье, стулья. Девчонка исчезла бесследно.

Скрипя зубами, он вышел на улицу, зашел в соседний дом – там была та же картина, с той лишь разницей, что старая карга, хозяйка, оказалась жива.

– Тебе чего? – злобно прошамкала она, – ничего нет у меня! Пшел вон!

– Кто все это сделал?

– Да кто, кто, разбойнички лихие! Вон, у Каппы девка в беспамятстве валялась, так ее уволокли, ироды проклятые, гореть им в Пекле... Что ее теперь ждет, ту девку...

– Давно?..

– С утра налетели, – старуха смачно плюнула себе под ноги.

– Все, понял, – Максимус сдержанно кивнул, хотя дорого ему стоила эта показная невозмутимость, – возьми, вот...

И звякнул о стол парой полновесных золотых монет. Старухе этих денег хватит за глаза, а ему... Лорд Вилмер новых отсыплет.

В висках вместе с удручающе ровным и размеренным пульсом бился вопрос – что теперь делать?!!

Борясь с накатывающей волнами паникой, Максимус вернулся в развороченный дом матушки Каппы. Трогать тело не стал – здесь соседи все сделают – но прошелся еще раз, внимательно осматриваясь. Очень надеялся, что останется что-нибудь из личных вещей девочки, какая-нибудь зацепка, по которой он мог бы ее разыскать... Но нет. Ничего.

Он вышел из дома, сел на высокое крыльцо и задумался. Все, о чем он размышлял по дороге сюда, стремительно утрачивало смысл. Ибо Источник можно было считать утерянным.

А если – нет?

Вряд ли ее убьют сразу. Возможно, оставят себе на потеху, это неприятно, конечно же, но здесь главное – чтобы жива осталась. А, возможно, продадут какому-нибудь щенку благородных кровей, конечно же, для забавы – и опять, не важно. Только бы не убили. Только бы дали несколько дней для того, чтобы нащупать логово лихих парней.

Максимус потер лоб. Что ж, у него все-таки осталось немного времени, чтобы вернуть себе Источник. И вовсе необязательно пользоваться Даром – он попытается найти девчонку сам, полагаясь на то, что будут говорить люди.

Глава 3. Лина

Сквозь веки пробивалось розоватое свечение. Открыть глаза было невероятно тяжело, в ушах шумело. Во рту пересохло, словно не пила сутки.

Лина выдохнула, вдохнула. Разлепила веки. И в тот же миг ей нестерпимо захотелось их закрыть, и чтобы все увиденное оказалось тяжким бредом.

Она все вспомнила. Зловещую ухмылку убийцы, автовокзал, туман, автобус, вдруг надвинувшийся на нее и поглотивший весь мир.

Умерла?..

Нет, не похоже.

Все тело болело. Пульсировала жидким огнем голова, правая половина.

Над Линой склонилась пожилая женщина в очень странном платье, как будто с фестиваля реконструкторов, в белоснежном переднике. Темные с проседью волосы женщины были разделены ровным пробором, гладко уложены – ни дать, ни взять, постаревшая Джен Эйр.

Увидев, что Лина очнулась, женщина улыбнулась сдержанно, отвернулась, а потом ловко приподняла полыхающую адской болью голову Лины и поднесла к губам кружку с питьем.

«Господи, это еще что...»

Лина послушно глотнула. Питье оказалось ни горьким, ни кислым – но вкус был странным, неприятным.

Женщина кивнула, кружку не убрала.

– Все пить? – просипела Лина.

Еще кивок.

Она смирилась и выпила все. До дна.

В тот же миг голова взорвалась мгновенно прокатившейся болью – и все стихло. Все прошло.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила женщина, – мне пришлось смешать лингвурум и обычное поддерживающее зелье. Пять капель лингвурума, как сказал мистер Тал.

Лина сглотнула. Смысл происходящего ускользал. Мистер Тал... кто это? Да и кто ее сюда притащил?

– Наверное, ты хочешь спросить меня, – вздохнула женщина, поправляя за ухо выбившуюся темную прядь, – спрашивай. Вряд ли я отвечу на все твои вопросы, но на часть их – точно. Меня зовут Каппа.

– Ангелина.

– Красивое имя. Имя ангела... Жаль, что они покинули наши земли давным-давно.

– Где я? – вконец осмелела Лина, – и как долго здесь?

– Ты на окраине Перкоттских земель, дорогая, – ласково ответила Каппа, – столица – Першехт. Самое богатое герцогство, потому что у нас есть Источник, герцог Вилмер.

– Бред какой, – выдохнула Лина, – вы меня разыгрываете? Зачем? Это... *он* меня сюда принес?

– Ты о мистере Тале? Да, он. Просил за тобой присмотреть, пока он будет занят.

– Нет... нет-нет...

Лина замотала головой, слезы против воли брызнули из глаз.

Все-таки она снова в руках убийцы. Зачем? Зачем она ему нужна?!!

– Не плачь, детонька, – волос коснулась теплая рука, – все будет хорошо. Максимус не даст тебя в обиду. Я его давно знаю, несчастный мальчик...

– Несчастный?!! Мальчик?.. – Лина ошарашенно уставилась на женщину. Та, похоже, была абсолютно уверена в своих словах. Несчастный мальчик, мать его.

– Ну да. Рано лишился родителей. Попал в руки плохому человеку, – Каппа пожала плечами, – все будет хорошо, Ангелина. Ты должна выздороветь как можно скорее.

– Это правда? Про земли Пер... как их там?

– Перкотт, дорогая. Да, правда. Не знаю, откуда ты прибыла. Наверное, с севера?

Лина замолчала и прикрыла глаза. Перкотт, значит.

Нет, она, конечно, видала всяческую литературу о переселении душ, о перемещениях в параллельные миры и прочую ерунду. Но чтобы все это на самом деле?

Все это просто... не-воз-мож-но.

– И что мистер Тал будет со мной делать, когда вернется? – спросила она Каппу.

– Я не знаю, милая. Но если бы он не желал тебе добра, то не принес бы ко мне. Я подлечила твою голову. Без меня ты могла бы умереть.

– А вы... кто?

Каппа поправила на груди шаль из грубой серой шерсти.

– Я целительница, но мой Дар не слишком силен. Посему и живу в деревне.

– Отпустите меня, – попросила Лина, – я не хочу... больше видеть мистера Тала.

– Ты можешь уйти, милая, – так же ровно отвечала Каппа, – но куда ты пойдешь? Насколько я поняла, у тебя нет ни дома, ни родни. Ты можешь попасть в плохое место. Тебя могут продать в бордель. Разве ты этого хочешь?

– А что, других мест для девушки здесь не бывает? – осторожно поинтересовалась Лина, понимая, что еще немного – и точно сойдет с ума.

– Для одинокой девушки? Можно еще стать содержанкой богатого мужчины, но для этого нужно хорошо выглядеть, и выходить в свет.

Лина обреченно прикрыла глаза.

Куда ни кинь – всюду бордель. Где бы ни находилось место, куда она попала с легкой руки мистера Тала, о правах женщин здесь явно ничего не знали.

– Хорошо, – согласилась она, – я буду лежать, выздоравливать, и дождусь его. Тогда и поговорим.

Ей казалось, что она задремала. Снилось бабушка, живая и молодая, такой ее Лина знала только по старой фотографии. Бабушка улыбнулась и долго уходила вдаль, в сиреневую дымку, а Лина кричала – и не могла докричаться.

Проснулась резко, словно от толчка – и на нее обрушились крики и грохот.

Вокруг творилось невообразимое: какие-то неопрятного вида мужики ломали мебель, один держал за локоть Каппу, тряся ее при этом как поломанную куклу.

Лина даже ничего сделать не успела, как один из пришлых склонился над ней.

– Что за цыпа! А ну, Ал, глянь!

Девушка только съежилась, натягивая до глаз покрывало, которое, впрочем, тут же было сдернуто.

– Не трогайте ее, – взвизгнула Каппа, выворачиваясь из рук бандита (а в том, что это бандиты, Лина уже не сомневалась), – хвораю она, не троньте!

Каппу бесцеремонно оттащили в сторону. Лина, холодея от ужаса и утратив способность не то что двигаться – дышать – увидела прямо над собой здорового детину, чернявого, с веселыми и очень злыми темными глазами.

– Как же не трогать такую цыпу, – сказал он весело. Подмигнул Лине, – жаль, что одета. Вот ее и заберем, раз уж ничего у тебя нет.

– Не смейте! – Каппа, растрепанная, с дикими глазами, бросилась к Лине, упала на нее, закрывая собой.

Но ее отшвырнули, так легко, словно женщина ничего не весила.

– Не смейте! Вы заплатите!

И вдруг ее крики резко оборвались, сменившись страшным булькающим звуком.

– Ты, поднимайся, – Лину дернули за руки, стянули с лежанки, – идешь с нами, цыпленок.

– Гляди-ка, девка, а в штанах! – удивился кто-то.

– Может, и не девка?

– Так проверим! – ответил тот самый, чернявый, разворачивая Лину спиной к себе. Она взвизгнула, когда мужские лапищи стиснули ей грудь.

– Все, уходим, – прозвучало над ухом, – хватайте эту... и пошли, пошли!

Лину снова подхватили, перекидывая через плечо. Но она все-таки успела увидеть, что Каппа лежала неподвижно, вытянувшись во весь рост, а из груди торчала рукоять ножа. По белоснежному переднику расплывалось кровавое пятно.

И тут Лину словно током дернуло. Она замолотила кулаками по груди подонка, который тащил. Взвывла не своим голосом:

– Пустите! Отпустите, гады! Будьте прокляты!

– Заткни ее, – рявкнул кто-то рядом.

Лина больно ударилась о землю, ее швырнули лицом вниз. А потом на затылок обрушилась боль, и ее подхватило в мягкие объятия ничто.

Все до ужаса напоминало дежавю.

Снова невозможно открыть глаза.

Снова боль в голове и во всем теле.

И снова обрушившиеся ледяным водопадом воспоминания. Каппа, мертвая, лежит на земляном полу, взгляд замер в жуткой неподвижности...

Лина застонала невольно и открыла глаза. Надо было что-то предпринимать, куда-то бежать... И встретила взглядом с рыжеволосой девицей, которая весьма недвусмысленно крутила в руке кинжал.

– Черт, – сказала та и поспешно спрятала оружие, – ты не вовремя очнулась. Так бы я тебя прирезала – и делу конец. А теперь, наверное, не смогу убить.

– А тебе я что плохого сделала? – с трудом вытолкнула Лина, едва ворочая непослушным еще языком.

– Так Ал на тебя глаз положил, – чистосердечно призналась рыжая особа, – мне это не слишком нравится.

– Мне тоже, – ох, и тяжело давались слова!

Облизав языком потрескавшиеся губы, Лина осторожно огляделась, стараясь не терять из виду рыжую. Хотя, пожелай та перерезать горло сопернице, все равно ничего бы не смогла сделать. Слабость, предательская слабость во всем теле... Руку поднять невообразимо тяжело, не говоря уж о том, чтобы отбиваться от здоровой и крепкой девахи.

Лина находилась в какой-то темной, провонявшей потом и грязью каморке. Освещало ее нечто, похожее на керосиновую лампу, только светило гораздо ярче, и копоти не было. Оконце – крошечное, такое, что свет почти не пробивался сквозь мутное стеклышко.

Начнешь тут верить в параллельные миры... еще как начнешь...

Лина прочистила горло.

– Послушай... поверь, я бы и сама была бы рада никогда с твоим Алом не встречаться. Мне правда, совсем не хочется, чтобы он тебя бросал из-за такой как я.

Девица замерла, недоверчиво вслушиваясь в сиплый шепот Лины. А та, воодушевившись, попросила:

– Дай мне воды, пожалуйста. Меня так приложили по голове, что все крутится и вертится.

– А-а, это они умеют, – усмехнулась рыжая и добавила, – меня Лисой зовут. Я когда родилась, такая же рыжая была.

– А я – Лина.

Девушка кое-как села на жесткой лежанке, перед глазами все закружилось, и она оперлась спиной о холодную стену. Благодарно посмотрела на Лису, когда та поднесла воды в жестяной кружке.

– Куда я попала? Не хочешь рассказать?

Лиса поправила платье, открытое настолько, что еще немного и станет вульгарным. Шмыгнула носом.

– Ты в нашем поселке. Ал приказал тебя в чувство привести. Вот напьется с друзьями... и к тебе пожалует. А меня бросит... Ты ж краси-ивая.

Добить решила, точно.

– Я так не хочу, – вздохнула Лина, – а ты можешь как-нибудь... мне помочь?

– Как я тебе помогу? Разве что любимого прирежу, – пробормотала Лиса, – или тебя.

В розоватом свете ее личико казалось фарфоровым, с россыпью задорных веснушек. Глаза – зеленые, кошачьи. Мягкие, приятные черты, вздернутый аккуратный носик. Симпатичная деваха, в общем.

– Помоги мне сбежать, – решила Лина, – у меня ничего нет, чтобы тебе отдать... Но если меня здесь не окажется, Ал будет твой целиком и полностью.

– Сбежа-ать, – протянула Лиса и глубоко задумалась, смешно морща лоб.

– Ты ж на ногах не стоишь, – сказала она спустя несколько минут, которые Лине показались вечностью.

– Я попытаюсь. Скажи, в какую сторону идти.

– Вестимо, куда. По северной дороге в Перхешт. Идти далеко, не добредешь. Парни тебя догонят.

Лина опустила голову, ее охватывало черное, беспроглядное отчаяние.

– Слушай, а на лошади ты умеешь ездить?

– Умею, – быстро сказала Лина. Хотя не умела. Совсем.

– Тогда, пожалуй, можно все сделать. – и Лиса заговорщицки подмигнула, – вот послушай. Сейчас они пьют. Потом Ал притащится сюда. Это будет вечером. К этому времени тебя здесь быть не должно.

– А что ты ему скажешь?

– Да то и скажу. Вышла по нужде, вернулась – тебя нет. И все.

– Я до дороги сама доберусь?

– Покажу, куда ехать...

Не веря собственной удаче, Лина пожала узкую руку Лисы.

– Но это еще не все, – девушка хитро улыбнулась, – как будешь в городе, поезжай в верхний сразу же. Там, говорят, есть приметный такой особняк, с большими белыми птицами на воротах. Ты постучись с черного хода, попроси увидеться с Изабеллой, а как та выйдет, назови меня и изо всех сил просись в служанки. Хоть каминны чистить, хоть постель господину греть, поняла? Там тебя никто не достанет, ни Ал, ни еще кто...

– Это даже больше, чем я могла просить, – усмехнулась Лина, – за что такая милость?

– За то, что ты честная. Не стала моего ненаглядного уводить, – Лиса взмахнула золотистыми ресницами, – он мне что свет в окошке, понимаешь?

Дурочка. Убежать надумала, а сама на ногах не стоишь. Поймают, как пить дать, поймают. И тогда уже не только Ал тобой попользуется, а вся их компания...

Лину шатало от слабости.

Повезло, что никто не морочил себе голову несением охраны поселка – несколько полуразвалившихся хижин стояли в густом ельнике, попробуй еще найди. Внезапно Лину охватил страх – а ну как заблудится? Историями о том, как в лесу находили мертвых детей, ушедших с бабушкой или тетей, пестрели новостные ленты. Но дороги назад не было.

Лиса протащила ее за руку сквозь поселок, обходя лачуги так, чтобы не мелькать перед дверьми. Из одной, самой большой, доносились пьяные возгласы и звяканье бьющейся посуды.

– Там они все, – шепнула Лиса, – не бойся, доберешься. Ангелы донесут.

– Спасибо, – шепнула Лина, – я найду, как тебя отблагодарить. Если жива останусь.

– Да что ты мне сделаешь... Поздно. Мое место здесь, рядом с ним.

Неподалеку Лина увидела и лошадей, оседланных, привязанных к плетню.

– Бери вон ту, рыженькую. Она смиренная, очень.

«Только на ангелов и рассчитывать», – усмехнулась Лина.

Она вспомнила все, что читала о лошадях в книгах. Свои ощущения от езды в седле тот единственный раз, когда покатали в туристическом походе. Н-да. Придется несладко, но самое главное – не дать животному забрести в чащу.

Лиса тем временем отвязала поводья, кинула их Лине.

– Скачи на солнце, не заблудишься. Тут до дороги недалеко, а там спросишь у людей.

– Как город называется? – единственное, что Лина помнила, так это то, что язык сломаешь, пока проговоришь.

– Перхешт, да откуда ж ты такая взялась! Ну, давай уже, – Лиса постоянно озиралась по сторонам, почти приплясывая от нетерпения, – давай, а то заметят!

Рыжая только покачала головой, видя, как Лина взбирается в седло, как неловко подбирает поводья.

«Так... теперь надо заставить ее двигаться вперед».

Лина осторожно сдвинула лошадиные бока – животное перешло на торжественный шаг. Седло заходило ходуном, Лина вцепилась в седельную луку.

– Да уезжай уже, – сердито прошипела Лиса, – пока никто не увидел, ну?! Ты что, на лошади никогда не сидела? Соврала?

– Сидела. Один раз, – честно призналась Лина.

И, зажмурившись от разлившегося по венам сладковатого ужаса, стукнула пятками по упругой рыжеватой шерсти.

Кобыла, как и обещала Лиса, оказалась смиренной и послушной – взяла с места так, что Лина едва удержалась в седле – и устремилась в самую лесную чащу.

«По солнцу, только по солнцу».

Лина, судорожно хватая воздух и также судорожно, до онемения пальцев цепляясь за седло, пригнулась к лошадиной шее. Ветки нещадно хлестали по спине, по ногам.

«Господи, как же я выберусь? Тут солнца не видно!!!»

И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, стало светлее. Еще несколько секунд – и лошадка проворно выскочила на открытое пространство.

– Тпру-у-у-у, – Лина даже поводья на себя дернула, растерявшись.

Оказывается, разбойнички облюбовали себе место в ельнике, но не слишком вдаваясь в лес – чтобы до дороги можно было быстро добраться и так же быстро спрятаться. Дальше, насколько хватало взгляда, начинались поля – как лоскутное одеяло. Повертев головой, Лина увидела и величественные заснеженные вершины, повисшие в небе, словно мираж, увидела вдалеке сгрудившиеся домики, белены, с черепичными крышами.

Черт возьми. Она в самом деле попала в другой мир.

А еще... здесь был непривычным даже сам воздух – напоенный ароматами трав, земли. Сладкий, вкусный. Таким хотелось дышать. Лечь на поле, раскинув руки и смотреть в пронзительно синее небо.

«Так, девочка моя. Тебе в Перхешт, или как там его назвали. Потом будешь осматриваться».

И Лина пустила лошадку размашистой рысью, постепенно привыкая к ощущению, когда под седлом все ходуном ходит, и от падения спасают только стремена.

Погони не было. Пока что.

Ей не верилось в собственную удачу. По-прежнему жива и отделалась шишкой на затылке, рысит себе по широкой грунтовке. Правда, рысит в полную неизвестность, что там ожидает в Перхеште, в особняке с птицами на воротах?

Вокруг не было ни души, только зеленеющие поля, кое-где рассеченные клиньями ельника, да заснеженные вершины вдалеке. Солнце стояло почти в зените, спину начинало припекать, и снова хотелось пить. Но воды не было, и в ближайшее время не ожидалось.

Потом Лина миновала небольшую деревушку. Все те же беленые домики с черепичными крышами, скромно одетые люди, точно сбежавшие из позапрошлого века. Там она даже остановилась, чтобы спросить дорогу на Перхешт. Ей указали – оказалось, все это время ехала она в правильном направлении. Только вот воды Лина постеснялась попросить, кто их знает – вдруг здесь все за деньги? А у нее-то ни гроша.

«Потом напьюсь, как доберусь до Изабеллы», – решила она, облизывая пересохшие губы. Успех, пусть и малый пока, воодушевил.

И Лина, все еще цепляясь за седельную луку, попыталась обдумать свое нынешнее положение.

Ее самым бессовестным образом затащили в параллельный мир. Можно бы было все происходящее попробовать списать на последствия мозговой активности в состоянии комы после попадания под автобус, но... слишком реально все было, слишком. Да и Лине казалось, что уж ее-то в коме посещали бы какие-нибудь другие видения, отнюдь не быт позапрошлого века, убитая женщина, объявившая себя чародейкой, да рыжая любовница главаря банды.

Таким образом, прибытие в параллельный мир нужно было принять как данность.

Кроме того, где-то в этом же мире шлялся мистер Тал, скорее все тот самый «ювелир», который сперва намеревался ее убить.

А еще Лина обладала странным умением перекрашивать камни. Возможно, именно это и послужило главной причиной перемещения ее сюда.

В довесок ко всему перечисленному, у нее не было ни еды, ни воды, ни денег, и протрезвевшие лихие парни могли броситься в погоню.

Повезло так повезло!

Хмыкнув, Лина принялась вспоминать из прочитанного, какая судьба ждала такую вот «попаданку». История стала классической – сперва несчастья, просыпающиеся на героиню как из рога изобилия, что, впрочем, хамоватую юную особу не смущало ни капельки. Ну, а потом, в обязательном порядке, для ее находился свой собственный принц, император или просто богатый мужчина. У них случалось возгорание от страсти, взаимно возникшей, потом они совместно преодолевали еще какие-нибудь уготованные жестокой судьбой препятствия – и все. Вуаля. Свадьба, долго и счастливо.

Лине так не хотелось.

Вернее, она была не против, если бы нашелся в этом мире покровитель. Но острой на язык она никогда себя не считала, не взирая на лингвистическое образование, хамить и язвить не умела. Опыт по части мужчин так и вообще отсутствовал, за исключением поцелуя на лавочке с одноклассником.

«Ну ты, Линка, и костлявая» – таков был вынесен вердикт, и отношения завершились, так и не начавшись.

И потом, она жила с бабушкой, а та всегда придерживалась крайне консервативных взглядов на взаимоотношения полов. Особо не разгуляешься...

Впрочем, теперь-то все равно.

Она свободна как ветер, в чужом, скорее всего враждебном мире, совершенно одна. И мистер Тал маячит где-то. Лина поежилась, вспомнив его ухмылку на автовокзале. Оскал серийного убийцы, иначе не назовешь...

«Ну и ладно», – она подставила лицо свежему ветру.

Пить хотелось все сильнее и сильнее, жажда скребла наждаком во рту.

Так...

С чего следует начать попаданке, только что счастливо избежавшей как минимум изнасилования?

«Найти приют. Устроиться на работу, на любую».

Невольно вздохнув, девушка вспомнила институт – естественно, о продолжении учебы теперь можно забыть. Прощайте, учебники – здравствуйте, грязные каминьки, полы и ночные горшки местных господ. Невеселая перспектива, но ничего не поделаешь.

Лошадка рысила и рысила, и Лине начали попадаться люди, направляющиеся в город, как и она. Кто-то брел пешком, катя перед собой тяжело нагруженную тачку, кто-то – на телеге. Попался даже один открытый экипаж, запряженный четверкой великолепных коней, там удобно расположились мужчина и женщина. Мужчина был приодет так, как будто выпрыгнул из фильма о Шерлоке Холмсе, дама вторила ему пышным облачением и умопомрачительной шляпкой, из-за обилия кружев походившей на воздушное пирожное.

«И одежды у меня тоже нет подходящей», – Лина вздохнула.

Выходило, что ей, как любой попаданке, приходилось начинать все с нуля.

А между тем впереди замаячили очертания большого населенного пункта. Готические шпили, множество красных черепичных крыш, здания преимущественно каменные, светлые. Лина прищурилась. Что-то не давало ей покоя в образе этого центра местной цивилизации, но она никак не могла понять, что именно. Потом, разобравшись, усмехнулась: воистину странное место. Над Лондоном висел смог. Над городом Першехт не то, что не было смога – небо оставалось столь же чистым, как и со стороны заснеженных горных пиков.

«А где же у них тогда производство?»

... Через пару часов Лина въехала в город. Теперь, следуя указаниям Лисы, ей надлежало разыскать в верхнем городе особняк с птицами на воротах, а в особняке – некую Изабеллу.

Пить хотелось невыносимо. Брусчатка плавилась на солнце, пот стекал по лицу, застилал глаза.

«Скорей бы...»

Несколько раз Лина останавливалась, спрашивая дорогу к верхнему городу. Люди были явно небогатые, одеты бедно. Ее оглядывали с нескрываемым интересом, но дорогу показывали – и она медленно, но верно продвигалась вперед. По широкому мосту перебралась через спокойную реку, где безмятежно отражалась синева небес.

Верхний город поражал великолепием. Церквей было много, на манер европейской готики, только вместо традиционных горгулий – четырехкрылые фигуры в балахонах. Особняки белели за высокими коваными решетками.

«Почему здесь так чисто?» – вяло удивлялась Лина, – «неужели весь город убирают?»

Силы стремительно убывали, перед глазами все плыло.

– Я тут сдохну, пока найду этот чертов особняк, – выдохнула девушка, вертя головой.

Да сколько ж их тут, прекрасных, роскошных и совершенно для нее бесполезных?

Она пару раз свернула, все отчетливее понимая – самой что-либо найти не получится.

Наконец спешила, взяла лошадку под уздцы и поплелась в сторону женщины, которая продавала цветы.

– Простите, не могли бы вы помочь?

– Да, миледи, я вас слушаю.

«Миледи?»

Пожав плечами, Лина сказала:

– Я ищу особняк с белыми птицами на воротах.

Милая женщина улыбнулась, демонстрируя полное отсутствие передних зубов. Из десен торчали удручающего вида гнилушки.

– Миледи, здесь очень много таких особняков. Ведь орел – символ Перхешта.

Брусчатка поплыла перед глазами, все закружилось – и Лина поняла, что упала.

Но – отнюдь не на камни, нет.

Ее кто-то успел подхватить на руки.

– Вам нехорошо?

Последним усилием Лина вынырнула из заглывающей ее тьмы – для того, чтобы увидеть решительный подбородок с легким налетом щетины, острые скулы, хищный нос.

«Вот тебе и принц», – она едва не расхохоталась, но вовремя прикусила губу. К тому же, перед глазами все еще мельтешили серые мошки, и мир то и дело подергивался дымкой.

У принца были глаза теплого орехового оттенка.

Он смотрел на Лину с искренним сочувствием.

Глава 4. Макс

...Домой он вернулся поздним вечером, исколесив все близлежащие деревни в поисках своего утраченного Источника. Картинка складывалась любопытная, но при этом совершенно неутешительная: разбойнички появлялись то тут, то там, трясли кошельки и без того запуганных крестьян и исчезали в неизвестном направлении. Никого, правда, без нужды не убивали – кроме Каппы до этого убили только мельника, который оказал уж очень рьяное сопротивление, да утащили с собой одну девку из совсем уж нищей семьи. Если бы ее не забрали разбойники, через месяц-другой она все равно бы отправилась на заработки в Перхешт и, скорее всего, тоже сгинула бы бесследно в одном из притонов. На вопрос – отчего не написали жалобу на имя герцога Вилмера – был получен исчерпывающий ответ: «так ведь грамоте не обучены, да и его светлость ничего этого не читает».

Поняв, что ночью он не преуспеет в поисках, Максимус вернулся в Перхешт.

В кругу знакомых он считался счастливым обладателем квартиры, окна которой выходили на площадь Героев. Отлитые из бронзы фигуры первых вождей жарко сияли в солнечном свете и отбрасывали замысловатый узор теней ночью. Неподалеку располагался еще один памятник человеку, чье значение в истории объединенных герцогств трудно переоценить – это была очень старая, изжаленная ветрами и солнцем каменная статуя первому Источнику, магу, открывшему абракс и научившему людей им пользоваться.

Квартира Максимуса была дорогой, о трех этажах. На первом располагались гостиная, кухня и ванная комната, второй этаж заняли библиотека и кабинет. Спал он на самом верху, в мансарде, увитой плющом. А когда мучила бессонница, сидел на подоконнике круглого окна, уткнувшись подбородком в колени, и смотрел на бронзовые фигуры, по которым, мимолетно лаская, скользил лунный свет.

...Прикрыв за собой дверь, он привычно щелкнул выключателем. Вспыхнули розоватым абраксовые светильники, заиграли теплые блики на пузатых ореховых шифоньерах, на пухлых и порядком истертых боках диванов и кресел. Он сбросил туфли у двери и с наслаждением прошелся по теплomu полу. На ходу швырнул на вешалку шляпу и сюртук, рванул ворот сорочки. Плеснул на доньшко стакана доброго мелебрского рома и, развалившись на диване, прикрыл глаза.

Чертов Дамиан с его письмом. Чертов Дерек, герцог Вилмер. Чертовы бандиты, убившие Каппу и укравшие Источник.

Едва ли не впервые Максимус не мог решить, что со всем этим делать.

Ему следовало заняться сразу всем – организацией защиты Вилмера, поиском заговорщиков и возвращением девушки, причем, желательно одновременно.

Но разорваться на части и успеть везде он просто не мог.

Чтобы найти Источник, он сам прежде всего должен был остаться в живых. Для этого следовало защититть от потенциальной опасности Дерек Вилмера, да будет гореть он в Пекле. Чтобы защищать герцога, следовало разыскать автора письма, которое преспокойно лежало во внутреннем кармане сюртука.

Но, провались все пропадом, за то время, пока он будет носиться со старым пауком и заговорщиками, разбойники могут попросту убить девчонку.

Кто она для них? Легкая добыча. Девка для развлечений. Возможно, уже пустили ее по кругу...

Максимус поморщился и залпом допил ром. Не думать, только не думать ничего плохого.

...Но, как назло, думалось.

Перед глазами так и стояла щуплая фигурка, в которой на первый взгляд чрезвычайно сложно разглядеть девушку. Но стоит взглянуть ей в лицо... О, знать бы, из какой она семьи! Точеные, острые черты. Огромные ясные глаза. Черные прядки, налипшие на белый лоб – тут Максимус поймал себя на неуместном желании еще раз прикоснуться к ее шелковым волосам и, ругаясь, пошел за второй порцией рома.

Бесполезно кидаться в ночь, искать ее.

Толку не будет, только вымотается.

... Возможно, до утра она доживет.

Но утром нужно идти к герцогу.

А если не пойти к герцогу и лично не проконтролировать усиление его охраны, он может умереть раньше, чем найдет ее. Оставшись у разбойников, умрет и она. И Ангелы с ним, с Источником, дело в человеке, которого он уже один раз не убил.

Чертыхнувшись, Максимус запустил в стену пустым стаканом. И, глядя на осыпавшиеся осколки, внезапно понял, что не сможет спать. Совсем.

Еще спустя три часа он снова был в деревне, на пороге дома, где убили матушку Каппу.

Максимус огляделся: лишь одинокий абраксовый фонарь на столбе освещал деревню. В окнах – ни искры, абракс надо беречь, да и вообще ночью Ангелы завещали спать.

Он достал из сумки карманный фонарь, щелкнул переключателем – в стекле ярко пыхнуло привычным розоватым светом. Еще раз убедившись, что никто его не видит, Максимус неслышно отворил дверь и вошел.

Соседушки успели навести кое-какой порядок. Теперь бедная Каппа покоилась на столе, в изголовье едва мерцала лампадка с изображением святых Двенадцати Ликов. Женщину переодели и омыли, восковое лицо было строго и спокойно.

– Прости меня, – пробормотал Максимус, – я найду их и накажу, обещаю.

Он внимательно осмотрелся, выискивая тот нож, что торчал в груди убитой. Конечно, его могли подхватить и в доме – но точно также могли принести с собой, и тогда нож становился единственной путеводной ниточкой, способной указать дорогу в логово бандитов.

... Ножа нигде не было.

Максимус смел с печи горшки, и они с грохотом, выплескивая содержимое, обрушились на пол.

Как плохо-то.

Понадеялся на удачу, примчался черт знает куда – и все без толку.

Он вышел, уселся на крыльцо, прикрыв глаза, и стал дожидаться утра. Даже задремал к рассвету, снилось что-то очень приятное, но что – не запомнил. Едва забрезжил первый свет, Максимус поднялся и рванул к дому старухи, у которой побывал накануне.

Церемониться не стал. Пинком распахнул хлипкую дверь, навис над хлопающей спросонья глазами женщиной.

– Нож. Где нож, которым была убита Каппа?

– Черт ты побери, – выругалась бабка, – закопали мы его в огороде, как и положено, чтобы больше никому...

– Показывай, – процедил Максимус, чувствуя, как разливается внутри раскаленным оловом ярость.

Он – дурак.

Зачем столько ждал?

Надо было идти ночью, будить эту старуху, вытрясти из нее все подробности...

С другой стороны, искать, где был зарыт нож, ночью, в бескрайних огородах?..

– Ох-хо-хох, – кряхтя, старушеница поднялась с лежака, – так то ж не я его закапывала, добрый господин, то ж Мирка...

– Какая еще Мирка? Идем к ней...

Еще через час и за десять монет орудие убийства было добыто из-под земли рядом с грядкой огурцов. Копать пришлось довольно глубоко и Максиму, потому что деревенские тетки наотрез отказались прикасаться к этой гадости.

Восток неба полыхал словно вскрытая рана. Деревня просыпалась. Очередной кошмар остался в прошлом. На новеньком, блестящем лакировкой автомобиле прибыл Посвященный из Приюта Ангелов, дабы провести ритуал предания Каппы земле. Он был совсем еще молодым мальчишкой. Глаза – как у телят, темные, доверчивые и грустные. Лицо добродушно-округлое, присыпанное веснушками. Видно, что из низов парень. И ему совсем не шла светло-серая хламида до пят, традиционное одеяние Посвященных, в полах которой он то и дело путался.

Приглаживая буйные вихры цвета темной меди и смешно при этом вытягивая тощую шею, паренек окинул взглядом собравшихся во дворе Каппы. Максимум в тот же миг ощутил легкое, заинтересованное касание Дара, отвернулся – но Посвященный тут же подошел.

– Доброго утра, мистер...

– И вам того же, Узривший Лики, – Максимум улыбнулся мрачно, все еще вертя в руках перепачканный землей и засохшей кровью нож с узким, иззубренным лезвием.

Посвященный ничуть не смутился.

– Я вижу, вы не из здешних, – начал он мягко, не переставая коситься на пляску лезвия в пальцах Максиму, – вы были знакомы с убитой?

– Отчет будете составлять?

– И отчет в том числе, – паренек снова пригладил вихры, – мне нужно знать, кто оплатит обряд, и я не уверен...

– Сколько?

Максимум отсчитал несколько серебряных монет и аккуратно вложил их в худую ладонь.

– Вы знали убитую? Она вам родственницей приходилась? – не унимался мальчишка.

– Она была хорошей целительницей, правда, без лицензии, – Максимум сложил руки на груди, мысленно укоряя себя за то, что не убрался со двора раньше. Теперь вот прицепился Посвященный, хочется послать его куда подальше, но вроде как нехорошо, паренек жизнь свою положил на утешение таких вот простых людей. Хотя, скорее всего, у него и выбора-то не было: один из десяти детей, родители не могли всю эту ораву прокормить, и отдали мальчишку, едва достигшего семилетнего возраста, в ближайший Приют Ангелов.

– А вы, вы сами? – внезапно Посвященный уставился на нож, – вы тоже ведь... с Даром?

– Им некому было заниматься, и он совершенно неразвит, – с деланным равнодушием сказал Максимум. И снова ощутил как будто прикосновение паутины к лицу. – Прекратите ваши штучки, Посвященный. Вы не имеете никакого права меня прощупывать, без свидетелей и соответствующего протокола. Тем более, если у вас дар Видящего.

Внезапно паренек вздрогнул. Но отнюдь не от резкого тона. Он поднял руку на уровень груди.

– Что с вашим сердцем? Кто... осмелился это сделать?

Надо было заканчивать со всем этим трепом.

– Займитесь обрядом, Узривший Лики Ангелов, – процедил Максимум, – и не лезьте туда, куда вам не следует. Поверьте, это не всегда полезно для здоровья.

В телячьих глазах плескалось ничем не скрываемое удивление. Но – понял, попятился медленно. Еще раз поглядел задумчиво.

– Ваше право, мистер. Я никому ничего не скажу. Но... я мог бы облегчить тот груз, который вы несете на плечах. Слишком много смертей на вас... В общем, заходите в Приют Ангелов, тот, что в излучине Дэная. Спросите брата Верджила. Или прямиком идите в мою келью, она следующая за «Нисхождением Ангелов». Вам нужна помощь, мистер.

– Всенепременно, всенепременно.

Понаблюдав еще немного за приготовлениями, Максимус вернулся в машину. Он досадовал на то, что не убрался вовремя и засветился перед Посвященным. Это было нехорошо, мальчишка мог сболтнуть лишнего, а мог и прямой отчет представить о встреченном убийце, да еще с такими физиологическими особенностями. Все же подпольная операция, столь изменяющая тело человеческое, была под строжайшим запретом; только Ангелам была дана власть распоряжаться формой и содержанием плоти смертных... Но Максимус был ручным любимцем Дерека Вилмера. Что они сделают герцогу?

...И тут же ответил сам себе.

Герцогу – ничего.

А вот от тебя с превеликим удовольствием избавятся. И Вилмер сам перережет тебе горло, дабы не запятнать свою драгоценную репутацию перед Всеангельским собранием Перкота и собранием Двенадцати из Мелебрской резиденции.

Он глухо зарычал. Да что ж это за невезение сплошное?

Украденный Источник.

Письмо с угрозой.

Теперь, вот, брат Верджил...

«Его придется убить, пока не растрепал лишнего, – вдруг понял Максимус, – но это придется сделать уже после того, как я поговорю с веселыми ребятами из леса».

А вдруг не успеет? И мальчишка Посвященный доберется до Приюта и накатает доклад на много листов?

«Нет... Обряд довольно длительный. Потом к нему потянутся деревенские со своими мелкими проступками... Брат Верджил застрял здесь до конца дня».

– Вот идиот, – прошептал Максимус, – еще сказал, где искать. Ну что ж, брат Верджил, этим вечером мы встретимся.

Приняв решение, он вдавил педаль, замыкая абраксовую цепь. Машина рванула по дороге, вздымая дорожную пыль, и Максимус в который раз позавидовал соседней Сфере. По части автомобилей там было все куда лучше.

Проехав несколько миль еще дальше, на север, он притормозил, съехал на обочину. Вокруг – ни души. Над головой медленно плывут ватные облачка, вдалеке белоснежным миражом повисли горы. Темный ельник клиньями врезается в поля, постепенно к линии горизонта сливаясь в единый массив.

Максимус вдохнул глубоко. Выдохнул, успокаиваясь и приводя мысли в порядок. Отчего-то встреча с братом Верджилом не оставила равнодушным, зацепила. Помимо воли Максимус продолжал думать о молодом Посвященном, еще и, отчего-то, мысленно оправдываясь – мол, я не виноват, что меня таким сделали.

«Может, он свой Дар применил?» – Максимус хмыкнул.

Дар Узривших Лики был очень, очень специфическим и занятым. Они не убивали, нет. Но могли сделать так, что человек попросту начинал изводить сам себя мыслями о покаянии – и так до дома умалишенных. Впрочем, всегда можно было прийти в Приют Ангелов, и там, прилюдно покаявшись во всех прегрешениях, получить прощение.

Невольно усмехнувшись, Максимус покачал головой. Если это так – и если действительно брат Верджил по молодости и неопытности решился воспользоваться своим преимуществом – их встреча становилась уже неизбежной.

...а сейчас следовало подумать о другом.

Усилием воли он вышвырнул из головы все мысли о Посвященном, взял в руки нож, которым убили Каппу. Провел подушечкой пальца по перепачканному лезвию, ощущая каждый комоч налипшей земли, холод безжалостной стали. Закрыв глаза, настраиваясь на нужный лад.

Если бы спросили, Максимус никогда не смог бы объяснить, как работает Дар. Возможно, потому, что никогда не учился и не развивал его. Не был, наконец, лицензированным поисковиком. Но Дар был силен и позволял переходить даже в соседние сферы.

Он словно проваливался в никуда, распадался на тысячи капель, становясь одновременно и ветром, и дождем, и землей, и пшеничными колосьями, что наливаются под жарким солнцем. А собираясь воедино, уже знал, в каком направлении двигаться дальше. Червячок беспокойства, поселившийся под грудиной, гнал и гнал вперед, до тех пор, пока не оказывался в нужном месте в нужное время.

Максимус ухмыльнулся и открыл глаза. Снова – солнечный день, хлопковые комки облаков на ярко-синем небе. Едва ощутимые прикосновения ветра, напоенного ароматами цветущих полевых трав.

Он уже знал, куда именно нужно ехать, и задерживаться более не стал.

Снова замелькали поля, изрезанные косыми полосами смешанного леса. Максимус неторопливо ехал туда, куда тянул Дар – и не прошло и часа, как машину пришлось бросить на обочине.

Он снял сюртук, аккуратно сложил его на сиденье. За ним последовали щегольский жилет в тонкую полоску, шелковая сорочка и брюки. Максимус достал из багажного отделения потертый саквояж, извлек из него «рабочую» одежду, приобретенную в соседней сфере. Вообще, соседняя сфера ему понравилась – удобная одежда, сказочно-прекрасные машины, ухоженные и одновременно весьма доступные девицы... Но дом все-таки был здесь.

Поразмыслив еще немного, Максимус прихватил охотничий нож, которым с легкостью рубил кости, затем повесил на плечо свернутый кнут с абраковым усилителем и двинулся к своей цели.

Пока шагал по полю, приминая молодую пшеницу, думал о девчонке.

Жива ли?

Хотелось верить, что жива.

Не хотелось знать о том, сколько раз ее поймали братцы-разбойнички. Она сможет это пережить. Лишь бы только не прибили и не утопили в ближайшем болоте.

Максимус усмехнулся невольно, вспомнив, как она испугалась, оказавшись на постели. У нее были такие тонкие, изящные запястья и лодыжки. Тонкая шея. И взгляд такой... Нет, сразу ее убить не должны, и не убьют. А вот сломать, растоптать этот дивный цветок – запросто.

Скрипнув зубами, он только сильнее стиснул рукоять кнута.

Между тем он миновал поле и вдавался в лес. Неподалеку, видать, было болото – тянуло промозглой сыростью. Редкие листовые породы постепенно сменялись темными, старыми елями. Чувство Дара в груди усилилось, сделалось почти болезненным...

Максимус шел вперед.

Он задумал немислимое, с этим Источником. Еще никогда так не обманывал хозяина собственной жизни.

Но игра стоила свеч.

...Разбойничий поселок занял место на небольшом пятачке вырубленного леса. Не торопясь входить, Максимус прислушался, одновременно осматриваясь. Пять покосившихся строений, которые и домами-то сложно назвать. Кое-где бревенчатые стены, кое-где подбиты глиной. Крошечные окна, по большей части затянутые бычьим пузырем. Лошади, под навесом жующие сено. Два дюжих молодца в грязных рубахах, оправляющиеся за стеной одного из домов. Стояли они спиной к Максимусу, пошатываясь, чем тот и воспользовался: правого развалил до пояса ударом кнута, левого, пока тот приходил в себя от увиденного, полоснул ножом по горлу. И снова воцарилась тишина, нарушаемая лошадиным похрапыванием да еще каким-то странным звуком.

Где-то плакала женщина. Вот оно... внутри все сжалось от предчувствия, и, огибая лошадей, Максимус вполне понимал, *что* сейчас увидит.

...Ошибся. Открывшееся зрелище превзошло все ожидания.

На дне телеги свернулась клубочком женщина. От одежды остались лохмотья, сквозь которые просвечивала молочно-белая кожа и страшные, багровые кровоподтеки. Рыжие волосы – редкого медного оттенка – закрывали лицо.

Максимус приблизился, разрезал веревки, которыми запястья несчастной были привязаны к деревянным жердям. Женщина сжалась в комок, тихо подвывая в голос. Он старался не смотреть на обнаженные бедра, покрытые синяками и ссадинами. Затем, запустив пальцы в густую шевелюру, приподнял ее голову, разворачивая к себе лицом.

Конечно же, это была не девочка-Источник. Простолюдинка. Черты лица, оплывшие от оплеух, не могли принадлежать аристократке.

«Девушка, которую умыкнули разбойнички», – сообразил Максимус.

– Гос... подин, – просипела рыжая, – от...пустите... умоляю...

– Идти можешь? – холодно осведомился он, продолжая разглядывать лицо несчастной, – в свою деревню вернешься?

Она всхлипнула и затряслась вся.

– Куда... я... после этого...

– Замолчи, – прошипел он, – рот закрой. Если можешь идти, выходи на дорогу. Там стоит машина, жди рядом.

Судорожно всхлипывая, она кое-как слезла с телеги и, прикрываясь обрывками платья, торопливо заковыляла в сторону леса, прочь из поселка. Шла она в самом деле с трудом, ее шатало, и Максимус даже усомнился – а дойдет ли – но потом решил, что дойти – в ее интересах, у него же были иные дела.

...Источник.

Максимус даже не мог вообразить, а что бы он сделал, окажись на месте этой рыжей *его* девочка. Фантазии не хватало.

Дальше он действовал так, как привык – бездумно, словно механическая кукла. Выбил ударом ноги дверь ближайшей избы, оттуда спустя некоторое время повалили дюжие ребята. Впрочем, далеко они не уходили – не просто так кнут с абраксовым усилителем стоил так дорого и изготавливался исключительно на заказ. На землю валились уже обезображенные, кое-где обожженные мертвые тела. Потом лихие ребята сменили тактику – вместо того, чтобы пытаться нападать на Максимуса, попросту кинулись врассыпную кто куда. Оставалось их немного, он достал еще троих, четвертого остановил хорошим броском ножа, попал в бедро. Подошел, уже никуда не торопясь, лениво выдернул лезвие. Судя по ярко-алому фонтану, плеснувшему из раны, жить мужику оставалось всего ничего.

– Где девчонка? – сгреб разбойника за шиворот, всмотрелся в побелевшие от ужаса глаза, – где она? Маленькая, черноволосая? Я знаю, она была у вас. Говори, ну?!!

– Да пошел ты... сбежала...

И потерял сознание.

Максимус отбросил безвольное тело, выпрямился.

Судьба продолжала насмехаться над ним: Источник вновь затерялся.

Возвращаясь через поле, Максимус все пытался сообразить, что делать дальше. Совершенно случайно едва не наступил на рыжую – все-таки она не дошла, свалилась без чувств на пол-пути. Лежала на боку в зеленых колосьях, раскинув руки. Волосы жарко блестели на солнце, и также жарко в ямке у основания шеи блестел маленький золотой ангелок на кожаном шнуре.

– Надо же, не уберег, – усмехнулся Максимус.

Он присел на корточки рядом с неподвижной девицей. По большому счету, возвращение к жизни всяких там деревенских девок не входило в его планы. Она полежит еще немного, возможно, придет в себя и поковыляет дальше... куда-нибудь. Может быть, в дешевый бордель ее примут. Будет себе дальше заниматься тем же, чем и у разбойников помышляла.

Максимус выпрямился, перешагнул через босые ноги. Нужно было думать об Источнике. Где теперь эта хрупкая девочка с бирюзовыми глазами? Где, черт побери, теперь ее искать? А вдруг она, сбежав от разбойников, бродит теперь по окраинам Перкотта, выпрашивая милостыню?

Он выругался. Затем вернулся, подхватил на руки рыжую и пошел к машине. Свернутый кнут, висящий на плече, тут же вымазал кровью юбку девахи.

Потом, усадив кое-как ее на заднее сиденье, он бил ее по щекам, приводя в чувство. Она распахнула огромные глазищи, ярко-зеленые словно молодая листва, несколько мгновений непонимающе смотрела – а затем взвыла в голос, скорчилась, прикрывая руками голову.

– Прекрати, – Максимус попытался ее урезонить, но женская истерика продолжала набирать обороты.

Он перемахнул через дверь машины, оказавшись в салоне, с силой сжал запястья, отнял ледяные руки от лица. Повторил спокойно:

– Прекрати. Я тебе ничего не сделаю. Но если и дальше будешь выть, оставлю здесь, в поле. Может, кто подберет.

Рыжая, продолжая дрожать всем телом, затихла, прокусив и без того разбитую губу. По подбородку потекла тоненькая струйка крови.

– Вот, уже лучше. Теперь я отпущу твои руки, и ты спокойно сядешь и выслушаешь меня. Понятно?

Кивок. В глазах бьется, пульсирует страх.

А что, если вот так же они избили, изнасиловали ту, другую?

Максимус сжал челюсти до зубовного скрежета. Девица, восприняв это на свой счет, едва слышно заскулила и сжалась в комок.

Он вздохнул. Черти дернули ее освободить. Что теперь с ней делать? Куда вести? В деревне, скорее всего, не примут уже. В бордель – там такого добра хватает.

Максимус, продолжая размышлять, добыл из-под сиденья флягу с ромом, сделал глоток. Потом протянул рыжей.

– На, пей. Поможет.

Пришлось поить самому, потому что она была не в состоянии даже флягу ко рту поднести, так руки тряслись. Максимус влил ей несколько хороших глотков, невзирая на кашель и вялое сопротивление, и только потом отпустил. Спрятал флягу под сиденье.

– Ну, что? Полегчало?

– Да... господин... – это были первые слова, внятно произнесенные девицей.

Она съехала на сиденье, стараясь занимать как можно меньше места и при этом находиться как можно дальше от Максимуса. По телу пробегала волнами крупная дрожь. Потом, словно опомнившись, рыжая попыталась натянуть повыше на грудь обрывки платья.

– У тебя осталась где-нибудь родня? – он хмуро оглядывал ее и сердился, в общем, уже на себя.

На кой черт ему спасать девиц-простолюдинок?

– Н-нет, господин, – опустила глаза.

– Врешь.

– Они... я не могу вернуться... в деревню.

– Почему?

Она вдруг вскинулась, посмотрела в упор.

– Потому что я блудница, господин. Таких, как я, в общину не принимают.
– Понял, – он задумчиво почесал бровь, – куда же мне тебя отвезти?

Рыжая совсем съезжилась и посмотрела на него взглядом побитой собаки. А затем спросила:

– Что... с ними?

Он пожал плечами.

– Кому-то удалось сбежать. Хочешь вернуться?

– Нет! – и снова губы задрожали, на глазах блеснули слезы.

– За что тебя... так? – спросил Максимус, – ты же долго с ними жила. Что, каждый раз так развлекались?

Девушка шмыгнула носом, потупилась.

– Ал притащил откуда-то девку, красивую очень. Я поняла, что он ее себе заберет, а я ни с чем останусь... И сперва хотела ее убить, но не смогла. Я помогла ей убежать. А потом... Ал, когда понял, что она не сама убежала, а с моей помощью... наказал.

Последнее слово рыжая выдохнула едва слышно.

А Максимус, боясь лишней раз вздохнуть, чтобы не спугнуть удачу, вкрадчиво спросил:

– Как выглядела та девушка?

– Да как... Маленькая, щупленькая. Волосы черные, и острижены коротко, как у мужчины. Глаза необычные, то ли зеленые, то ли голубые. Я ее на лошадь посадила, сказала, чтобы в город ехала. У меня там тетка работает в большом доме...

– То есть ты помогла ей бежать и сказала, куда дальше направляться?

– Ну да, – рыжая исподлобья посмотрела на него, – что не так, господин? Мне-то она ничего плохого не делала. Ал бы меня точно бросил...

– Так, может быть, ты к Алу и вернешься? – усмехнулся Максимус, – если он тебе так дорог? Возможно, ему повезло, и он остался жив.

– Нет, – она содрогнулась, – нет-нет, пожалуйста... Он...

И умолкла.

А Максимус не стал расспрашивать дальше, поскольку прекрасно понимал, что такого сделал Ал и его дружки.

– Как тебя зовут? – наконец спросил он.

– Лиса, – буркнула девушка с выражением полной обреченности на лице.

– Это потому что рыжая? – усмехнулся.

– Да... Что вы... со мной теперь сделаете, господин?

Максимус пожал плечами.

– Я не знаю, – признался откровенно, – ты мне не нужна. Но, поскольку ты сделала доброе дело, я отвезу тебя к себе. Ты помоешься, переоденешься. Я вызову тебе лекаря. А потом, когда придешь в чувство, решим, что делать дальше.

Пока Лиса плескалась в ванной, он выглянул на улицу, поймал у дороги мальчишку-беспризорника.

– Чего мистер желает?

– Я тебя тут уже видел раньше, – Максимус, прищурившись, разглядывал чумазую физиономию.

– Конечно, мистер. Я тут неподалеку живу, в приюте. И уже выполнял ваши поручения.

Мальчишка выпрямился, пригладил торчащие во все стороны криво и косо остриженные волосы непонятного цвета.

– Вас что, выпускают из приюта?.. Впрочем, неважно. Раз уж ты выполнял мои поручения, вот тебе еще два. Во-первых, отнеси эту записку доктору Вейну, что на улице Первого

Лица, тридцать два. Цифры я записал, гляди. Во-вторых, это письмо отнеси во дворец герцога Вилмера, отдай прислуге и обязательно – обязательно дождись ответа. Как принесешь ответ, получишь плату. Все понятно?

Беспризорник кивнул и сорвался с места, сверкая черными пятками. А Максимус подумал, что если мальчишка смысленый, надо взять его на заметку. Вдруг да пригодится для чего.

Он вернулся, сел в гостиной, листая утреннюю газету. В Перхеште все было спокойно, никаких изменений. Разве что несколько мелких краж, да дуэль меж аристократов. Ну прямо затишье перед бурей.

Отложил газету, принялся ходить туда-сюда, рассматривая рисунок шелкового ковра. С утра приходящая горничная убралась, ни пылинки, ни соринки. Надо будет еще того же мальчишку отправить в «Малефик», чтобы отнес заказ – время наступало обеденное, а Максимус уже и забыл, когда ел в последний раз.

– Господин... – раздалось с порога.

Взгляд метнулся к замершей в дверях Лисе.

Надо будет послать и за платьем. Не ходить же девице в подкатанных мужских брюках и сорочке... Да еще и босиком.

Лиса переминалась с ноги на ногу, тоже пристально изучая рисунки на ковре.

Теплая ванна частично вернула ей человеческий облик, и теперь, с длинными, рассыпавшимися по плечам локонами, она казалась совсем молоденькой. Избитый ребенок, не более.

– Проходи, садись, – Максимус кивнул в сторону дивана.

– Благодарю, – она кивнула, осторожно, на цыпочках пересекла комнату и опустилась на край.

– Как ты себя чувствуешь?

Она подняла глаза, и тут он подумал, что наверняка – когда синяки сойдут – Лиса будет выглядеть очень мило и женственно. Не аристократка, да. Но хорошенькая, это точно.

– Спасибо, добрый господин. Уже... лучше.

– Скоро должен прийти доктор, он тебя осмотрит и подправит, что нужно. У доктора Вейна чрезвычайно сильный Дар целителя.

– Благодарю, господин.

Максимус поморщился. Вот ведь, зарядила – господин, господин... с другой стороны, этой девице вовсе не нужно знать, кто расправился с бандой разбойников. И уж тем более, не нужно знать, кто разыскивает девушку с бирюзовыми глазами.

– Когда вернется посыльный, я закажу обед, – спокойно продолжил Максимус, – а после того, как ты подкрепишься, мы подумаем, что с тобой делать дальше.

– Могу ли я спросить, господин? – Лиса нервно теребила влажный локон.

– Спрашивай.

– Не будет ли сердиться ваша супруга, что вы привели в дом... меня?

– Я холост, – Максимус усмехнулся, – и в ближайшее время свое семейное положение менять не намерен. Но ты здесь тоже не останешься, уж извини.

– Я не...

Лиса передернула плечами.

– Простите. Я не хотела доставлять вам хлопот. Я могу уйти сейчас же.

– И куда пойдешь? До ближайшего борделя?

Лиса понуро опустила голову.

А Максимусу вдруг стало ее жаль. Не потому, что десяток мужиков надругались, а потому, что у Лисы, считай, не было выбора сразу после того, как ее утащили в разбойничий поселок. Или любить изо всех сил главаря, или – всех. Что, впрочем, в итоге и случилось.

– Я думаю устроить тебя служанкой куда-нибудь в богатый дом, – сказал Максимус, – если ты воровать не будешь.

– Я не воровка, – буркнула Лиса.

Ее пальцы коснулись ангелочка на шнурке.

– Но ты жила с разбойниками. Всякий усомнится в твоей честности, – он усмехнулся, – так что подумай хорошенько, как себя вести в приличном доме. Надеюсь, ты умеешь хоть что-нибудь?..

– Кроме как мужиков ублажать? Вы это хотели спросить? – она горько улыбнулась, покачала головой, – конечно, умею. Убирать могу, готовить. Все могу, что нужно будет.

– Вот и отлично. А теперь, пока мы ждем доктора Вейна, расскажи подробнее про ту девушку.

– Вы ее знали? – тихо спросила Лиса, судорожно дергая себя за локон, – что ж вы допустили, что ее украли?

«И правда, что ж ты такое допустил? Не мог оставить ее в более приличном месте? Завез в глухую деревню, оставил беззащитной... А ведь искренне полагал, что так будет лучше, подальше от Перхешта, от Вилмера, от его соглядатаев...»

– Здесь не ты задаешь вопросы. Давай, я слушаю, – почти огрызнулся Максимус.

И ведь на кого злился? На себя, на дурака. Надо ж было так... да еще с Источником...

– Простите, – едва слышно выдохнула Лиса, поерзав на краю дивана, – но мне особо нечего рассказывать. Ал притащил девушку, она была нездорова. Потом пришла в себя, мы поговорили... И я решила, что ей лучше сбежать. Я проводила ее к лошадям, показала, куда ехать. Она, правда, плохо в седле держалась. Но, наверное, добралась до места... Кобылу я ей очень смирную дала.

Максимус почесал бровь. Потом вернулся в кресло, уселся, положив ноги на пуфик.

– В каком доме работает твоя тетка? Кто там хозяин?

Лиса посмотрела на него наивно-испуганно, сложила руки на коленях.

– Я не знаю, она никогда не говорила, у кого служит. Знаю лишь, что там большие птицы на воротах.

– Изумительный ориентир, – пробормотал Максимус, – черт! Лиса, ты когда-нибудь была в верхнем Перхеште?

– Нет, – девушка покачала головой.

– Здесь каждые вторые ворота с птицами, – подытожил Максимус.

Ему хотелось ругаться. Громко. А еще – разбить что-нибудь, например, хрустальный графин. Чтобы о стену, да с грохотом. Похоже, надежду найти Источник следовало оставить. По крайней мере, на ближайшее время. Тем более, что дел у него появилось – просто отбавляй.

– Простите, – прошептала Лиса, и было неясно, за что она извиняется.

И это-то и раздражало.

На счастье, раздался звон колокольчика на входной двери.

Максимус поспешил открывать – на пороге стоял доктор Вейн собственной персоной. За его спиной приплясывал мальчишка с желтоватым конвертом в руках.

– Доктор Вейн, дружище, проходите, – Максимус распахнул дверь пошире, – тут видите ли... такое дело...

Подозвал к себе беспризорника. Тот молча протянул письмо с личной печатью Вилмера и уставился выжидающе.

– Молодец, – похвалил Максимус, – ты вообще, гуляй почаще у этого дома. Может, еще заработаешь.

Зачерпнул в кармане несколько медных монет, высыпал их в грязную ладошку. Мог бы, конечно, дать серебра – но мальчишке лучше медью, а то еще поймают. Медь у беспризорника не вызывает подозрений. Серебро – да.

– А теперь беги в «Малефик» и закажи мне обычный обед на площадь Героев, десять, но на двоих.

И вернулся в гостиную.

Там дипломированный доктор целительства Вейн уже ждал его.

– Прошу прощения, доктор... У меня тут несчастье приключилось. Ночью наткнулся на девушку, она очень пострадала. Буду весьма признателен, если вы ее осмотрите и проведете все необходимое лечение.

Вейн, долговязый и остроносый словно журавль, поправил очки в тонкой золотой оправе. Он, конечно же, видал девиц всяких – но только не в этой квартире.

– Э-мм, мистер Тал, что ж... все случается в первый раз.

«Все-таки назвал меня» – Максимум поморщился.

А Вейн воззрился на Лису с интересом энтомолога. Та тоже смотрела на доктора – со все возрастающим ужасом в глазах.

– Где прикажете осматривать? – повернулся к нему Вейн, – здесь? Поприсутствовать желаете? Что вас интересует? Наличие... мм... беременности? Иных специфических заболеваний?

Щеки Лисы начал заливать румянец, и она судорожно вцепилась в обивку дивана.

«В самом деле, где ее осматривать? Не в гостиной же...»

– Думаю, вы управитесь в библиотеке. Там есть кушетка, и... делайте все, что потребуется для восстановления ее здоровья, – сказал он. Насмешка в белесых глазах доктора изрядно злила. Да что он себе вообразил, в конце концов, этот чертов лекарь?

– Прекрасно, – Вейн поцокал языком, – ну что ж, милочка, пройдемте?

– Д-да, – Лиса сделалась едва ли не краснее собственных волос, бросила еще один, умоляющий взгляд на Максимуса.

Еще не хватало, чтобы какую-нибудь глупость учудила. Покусает доктора, Вейн обидится.

– Одну минуточку, доктор, поднимайтесь, вы ведь дорогу знаете, – он подмигнул целителю.

А сам, подхватив под локоть Лису, стянул ее с дивана.

– Не дури, прошу тебя. Это очень хороший целитель. Он тебя осмотрит, все что нужно – вылечит. А все, что лишнее – уберет. Поняла?

– Всесвятые ангелы! – ноги Лису не держали, – он что... мне что, раздеться надо будет?

– А перед Алом своим раздевалась? – прошипел Максимум, – и ничего, не умерла?

– То Ал... А то – господин доктор. Небось, ученый.

– Не будь же ты такой беспросветной дурой... Иди, и во всем слушай доктора Вейна. Пожалуйста на тебя – убью. Встретишься со своим Алом. Поняла?

Она поняла. Румянец уступил место смертельной бледности.

И побрела наверх, в библиотеку, так, словно шла на виселицу.

Максимум вздохнул с облегчением и, пока никого не было рядом, распечатал желтый конверт.

Проклятый сукин сын Вилмер написал следующее:

«По первому вопросу я принял все меры. По второму вопросу – да, приводи завтра утром, коль тебе это так важно».

Максимум улыбнулся, скомкал письмо и швырнул его в камин. Интересно, насколько велико будет чувство благодарности Лисы?

Глава 5. Лина

–

Мисс уже лучше? Выпейте еще немного чаю!

Легкое прикосновение края чашки к губам.

Чай был восхитительным, с мелиссой. Лине казалось, что ничего вкуснее этого она не пробовала.

Поила ее молодая особа в темно-сером длинном платье с белым передником. Темные волосы – на пробор и закреплены на затылке. Личико округлое, бледное. В глаза не смотрит.

– Спасибо, – Лина попыталась улыбнуться, – наверное, я слишком долго была на солнце. Но мне уже лучше.

– Слава Ангелам, – последовал тихий ответ.

Девушка отставила чашку и принялась поправлять под спиной Лины подушки, усаживая ее на огромной кровати.

Тут Лина спохватилась: лежала она, укрытая по самое горло, в нижнем белье. Верхняя одежда, что на ней оставалась – свитер и джинсы – куда-то пропали. А в заднем кармане джинсов оставался паспорт...

– Где моя одежда? – осторожно спросила Лина.

– Милорд приказал отдать в стирку.

– Черт... – только и выдохнула Лина. Паспорт. Фотография бабули...

– Но все, что было в карманах, на трюмо, – торопливо добавила девушка, – извольте проверить?

– Нет, спасибо. Я верю... вам...

Лина из-под ресниц оглядывала помещение.

Если это и была спальня, то наверняка спальня кого-нибудь монарших кровей. Нежно-голубые обои, позолоченная лепнина на потолке, лавандового цвета драпировки, обрамляющие высокое окно. Сквозь стекла все так же светило солнце.

А мебель! Подобное Лина видела только один раз, в Эрмитаже. Сплошная резьба и позолота.

Раритетная мебель, в общем.

– Что это за дом? – обратилась она к девушке, которая, судя по всему, была прислугой.

– Это особняк мистера Вилмера. Вернее, Дамиана Вилмера, мисс.

«Исчерпывающе», – только и подумала Лина. Знать бы еще, кто такие Вилмеры...

«Наверняка шишки какие-нибудь местные», – решила она, – «и принес меня сюда, видимо, хозяин. Дамиан Вилмер».

Лина вновь посмотрела на девушку. Выглядела та худенькой и бледненькой, как будто недокормленной – вот они, прелести цивилизации девятнадцатого века!

– Как тебя зовут?

– Катарина, мисс...

– Э... Катарина, скажи пожалуйста, мне можно во что-нибудь переодеться?

– О, конечно! Его светлость велел подать вам пеньюар и сорочку. Я повесила их в изножье кровати. Переодеть вас?

– Я сама, благодарю, – Лина села на кровати.

Белоснежная пена кружев действительно ожидала ее.

Поняв все без слов, Катарина быстро вышла.

А Лина свесила ноги с кровати, осторожно поднялась во весь рост – тут же ее качнуло от слабости, но положение спас резной столбик, поддерживающий балдахин.

«О свежем белье, конечно же, можно забыть», – она вздохнула. Затем стянула все-таки то оставшееся, что на ней было, нырнула в тончайшую, словно паутинка, сорочку – та оказалась до пят – и накинула поверх пеньюар, который вполне мог сойти за предмет высокой моды. Завязала на груди белую атласную ленту.

Почувствовав себя чуть более защищенной, Лина босиком пересекла спальню и остановилась перед трехстворчатым трюмо на гнутых ножках. Там, рядом с цветными флакончиками и коробочками, в самом деле лежал ее паспорт в потертой обложке. Она раскрыла его и вздохнула с облегчением – фото бабушки осталось на месте, равно как и полис медицинского страхования. Хотя... на кой он ей здесь?

Лина вернулась на кровать, взяла с подноса чай, допила. Невыразимо вкусный, изысканный букет – она таких никогда не пробовала. На тарелочке сиротливо лежал кусочек бисквита, и Лина отправила его в рот. В конце концов, она очень, очень давно не ела, а тут непонятно, что впереди ждет.

Подобрав под себя ноги, девушка укрылась легким одеялом и, откинувшись на подушки, задумалась.

Следовало бы теперь сообразить, как себя правильно вести. Ведь ее наверняка будут спрашивать – кто, откуда. Да и вообще, рано или поздно выпроводят восвояси.

Сразу просить работу служанки?

Лина поморщилась.

Конечно, можно, но...

Если бы ее тут считали служанкой, то никто не стал бы укладывать в эту прекрасную постель, да еще и выдавать столь роскошное белье.

Следовательно, здешние полагают, что она... из другого сословия?

Покачала головой. Черт, как все сложно. А что у них здесь с религией? Не потащат ли сразу на костер?

Лина прикрыла глаза. Потом вспомнила: был в институте преподаватель, позитивный такой мужик лет сорока. И именно он внушал своим студентам, что в любой ситуации... что бы ни случилось... никто не обязывает их сразу говорить «да» или «нет». Всегда можно не ответить ничего, а сперва подумать над ответом. А еще... вовсе необязательно начинать продвигать свою мысль. Сперва имеет смысл послушать мысли других.

«Так и сделаю», – решила Лина, – «послушаю вначале, что мне будут рассказывать».

В конце концов, всегда можно сослаться на полную потерю памяти.

В историях про попаданок в подобное верили если не все, то процентов девяносто аборигенов.

Придя к такому соглашению с самой собой, Лина все ж таки не утерпела, поднялась с кровати и подошла к окну. Отодвинула тюлевую занавеску и выглянула наружу.

С высоты третьего этажа открывался прекрасный вид на город. Светлый, чистый, кое-где украшенный зелеными островками парков. Возникало впечатление, что особняк стоял на некотором возвышении относительно прочих зданий. Скорее всего, просто город вползал на гору. Если присмотреться, за спинами дальних особняков блестела синь реки.

По чистым улицам прогуливались вальяжно, торопились, сновали туда-сюда как муравьи, люди. Женщины – в пышных платьях, все как одна. А еще, очень редко, по мостовой проносились автомобили, образцы двадцатых годов прошлого века. При этом ехали они по большей части бесшумно и как будто без выхлопов.

– Хм, – только и сказала Лина.

И что ей делать здесь дальше? Вернуться бы. Но с ходу заявлять о своем истинном происхождении не хотелось.

Поразмыслить ей толком не дали. Раздался осторожный стук в дверь, и низкий мужской голос произнес:

– Могу я войти?

Она нервно облизнула пересохшие вдруг губы. Потом бегом добралась до кровати, укрылась одеялом и только после ответила:

– Да.

Резная деревянная дверь медленно открывалась, и в образовавшуюся щель уже был виден оливкового цвета длинный сюртук и такие же брюки. Взгляд метнулся к лицу – резкие черты, острый нос, широкие брови с изломом. Щегольская стрижка, позволяющая темным волосам небрежно виться. Глаза теплого оттенка...

Мужчина вошел в спальню, не торопясь, огляделся по-хозяйски. Затем придвинул себе стул. Девушка выдавила из себя улыбку, совершенно не представляя, что последует дальше.

– Мисс...

– Лина, – нервно выпалила она, – позвольте... поблагодарить за такое... невероятно спасение. Вы, вероятно, Дамиан Вилмер?

– Да, – неторопливо ответил он. Лина чувствовала, что ее разглядывают с огромным интересом, ну прямо как неведомую зверушку. Вот бы знать еще, что такого он в ней усмотрел.

– Из какой вы семьи, Лина?

«Ну вот, началось!»

Комкая одеяло, она наивно захлопала ресницами.

– Я... я не помню. А разве это имеет значение?

«Всегда имело, не будь дурочкой».

Дамиан прищурился, глядя на нее. И медленно ответил:

– А что вы помните? До того момента, как лишились чувств в квартале Цветочниц?

Лина сцепила пальцы в замок. Ей не нравилось врать. Более того, врать она не умела. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Я пришла в себя у разбойников, мистер Вилмер, – хрипло сказала она, – смогла бежать, мне помогла одна девушка. И приехала в этот город.

– Кого вы искали в Перхеште? – бархатный голос Дамиана ласкал слух, заставляя мурашки разбегаться по коже.

«Дамский угодник, не иначе», – подумала Лина, и от этой мысли ей почему-то стало неприятно.

– Девушка, что помогла мне бежать от разбойников, советовала обратиться к ее тетке. Описала дом... но здесь все дома оказались одинаковы.

– Вы никогда здесь раньше не были?

– Не помню, – прошептала Лина, – ничего не помню до того, как попала к тем...

– Я надеюсь, они вам не навредили? – Дамиан приподнял великолепную бровь.

– О... – сообразив, что именно он имеет в виду, Лина поняла, что краснеет, – нет. Я успела сбежать.

– Хорошо, – мужчина улыбнулся.

Еще раз окинул Лину взглядом, который можно было трактовать как заинтересованный.

– Я могу пригласить целителя. Но, насколько мне известно, потеря памяти считается болезнью скорее душевной, нежели телесной. Может быть, стоит позвать Узрившего Лики?

«И тут станет ясно, что я лгу».

Лина судорожно замотала головой.

– Нет-нет! Я думаю, что в ближайшее время я... сама все вспомню...

– Ваша воля, мисс. Хотя я бы кого-нибудь позвал. Ваш случай из ряда вон выходящий, я еще ни разу не сталкивался с тем, чтобы девушка с каплей ангельской крови появлялась в Перхеште... в таком виде... без сопровождения. Да еще и падала в обморок посреди улицы. Вам еще повезло, что вы под машину не попали, у нас их здесь изрядно ездит.

«Вы просто не видели мой город». – она невольно улыбнулась.

– Вам удобно здесь? – мягко спросил Дамиан, жестом обводя спальню.

– О... разумеется, мистер Вилмер...

– Пожалуйста, называйте меня по имени, мне это будет приятно.

– Дамиан... – Лина сглотнула. Она оробела, сердце начинало приплясывать под ребрами.

– Я рад, что смог помочь, – он встал со стула, – отдохайте, мисс Лина.

Она приподнялась в своей необъятной кровати.

– Дамиан... что вы собираетесь дальше... делать со мной? Вероятно, мне нужно найти какую-нибудь работу и покинуть ваш гостеприимный дом как можно скорее?

Он взглянул с нескрываемым удивлением.

– Работу? Дорогая моя мисс Лина, о какой работе вы говорите? Вы будете оставаться в моем доме до тех пор, пока не прояснится ваше происхождение. Возможно, вас будут разыскивать родственники... Девушка вашей внешности скорее всего принадлежит к одному из древнейших родов, посему мы спокойно будем ждать – или возвращения памяти, или пока не объявятся родственники, потерявшие свою бесценную жемчужину.

«Так меня еще никто не называл», – мысленно усмехнулась Лина.

И погрузилась.

Все это означало только то, что она стала пленницей в этой изысканной клетке.

С другой стороны, идти ей было все равно некуда. А здесь, как ни крути, она будет в безопасности.

– Что с вами, моя милая? – заметив перемену в ее настроении Дамиан наклонился и коснулся пальцами плеча, – я вас чем-то обидел?

– Нет, что вы. Просто мне кажется... что я не привыкла проводить время в безделии.

От прикосновения, которое задержалось чуть дольше, чем было бы уместным, по коже растекалось приятное тепло.

– Любое рукоделие в вашем распоряжении, – Дамиан улыбнулся ободряюще, – также я буду счастлив сопровождать вас на прогулку в городской сад.

– Правда? А я не буду для вас обузой?

– Ну что вы, как столь прелестное создание может быть обузой?

Он убрал, наконец, руку, и Лина вздохнула с некоторым облегчением.

– Я пришлю к вам портниху.

– Но у меня совершенно нет денег.

– Душа моя, я могу себе позволить пошить пару платьев для очаровательной особы, – Дамиан внимательно разглядывал ее, не отрываясь.

Лина поежилась под его пристальным взглядом. И дело было вовсе не в том, что Дамиан был неприятен – скорее наоборот. Слишком приятен, слишком обходителен, слишком принц.

Там, в другом мире, Лина твердо знала, что от подобных субъектов надо держаться подальше.

Здесь у нее просто не было выбора.

«Что ж, придется быть настоящей аристократкой, холодной как айсберг и очень вежливой».

Она вздохнула, бросив взгляд на красиво очерченные губы мужчины.

И подумала – «но это будет сложно».

Последующие дни были наполнены приятными хлопотами. Дамиан не шутил, говоря о платьях: на следующий же день в особняке появилась немолодая женщина, похожая на полевую мышь из мультфильма «Дюймовочка». Она была вооружена измерительной лентой, булавками и образцами ткани. Дамиан, чтобы избавить Лину от сомнений по поводу стоимости материала,

выбрал все собственноручно – после чего осталось снять мерки. Портниха лишь усмехалась своим мыслям и качала головой. В черных блестящих глазах плясали чертики.

«Наверняка думает, что господин покупает платья для содержанки», – печалилась Лина, но вслух ничего не говорила. Протестовать было без толку.

Потом, через три дня, прибыло первое платье, а с ним и набор странных предметов, которые Дамиан охарактеризовал как лучшее дамское нижнее белье.

Облачаясь в корсет – помогала та самая Катарина – Лина взмолилась и попросилась обратно в джинсы.

«Что вы, мисс, разве пристало леди ходить в мужских штанах? Ангелопротивное это дело, мисс Лина, и его светлость не оценит такую выходку...»

От турнюра она наотрез отказалась.

«Посмотрите же на себя, мисс, какая вы красотка! Ни один джентльмен не устоит!»

– Я на это и не рассчитывала, – буркнула девушка.

Оттого, что ее теперь считают то ли содержанкой, то ли приживалкой, было неприятно.

Но в зеркало все же посмотрела. И поразились происшедшей перемене. Там, в прежнем мире, Лина совершенно искренне считала себя некрасивой. У нее были слишком резкие для девушки черты лица, острые скулы, остренький нос и подбородок. А здесь, в самом обычном зеркале, почему-то все стало уместным и гармоничным, как будто именно так и должна выглядеть юная леди. Высокий воротник из рюшей подчеркивал длинную изящную шею, а цвет платья – блеск бирюзовых глаз. Черные волосы, стриженные перышками, оказались гладко зачесаны назад и спрятаны под кружевной бледно-зеленой шляпкой.

Лина поймала на себе умиленный взгляд горничной и смутилась.

Нет, пожалуй, надо будет найти себе работу. Хоть какую-нибудь.

...А потом Дамиан пригласил ее на прогулку в городской парк, и отказывать тоже было неловко.

Вероятно, чтобы произвести впечатление на даму, он решил добираться до парка не как-нибудь, а непременно на автомобиле. Галантно распахнул дверцу самого настоящего, в понимании Лины, «ретро» – с кожаными сиденьями, матерчатым навесом и жарко сияющими латунными ручками и переключателями. Помог Лине разместиться, придерживая под локоть, а затем сам сел за руль. Потянул рычаг – и сие произведение местного автопрома резво понеслось вперед, подсакивая на булыжной мостовой. Лина подумала, что лучше бы пошли пешком, но, любопытства ради, обернулась. Ни выхлопных газов, ни запаха. Автомобиль несся практически бесшумно, что позволяло Дамиану проводить экскурсию по Перхешту.

Лина слушала внимательно, усвоила, что жилище ее покорного слуги Дамиана расположено в верхнем Перхеште, неподалеку от Дворца Всеангельского Собрания и, собственно, от дворца герцога Вилмера. В целом выходило, что Перкотт – совершенное герцогство, возглавляемое совершенным герцогом. Всеангельское собрание занимается вопросами ангелоугодными, и в повседневную жизнь практически не лезет – а если бы и полезло, дядя сразу бы этих святош поставил на место.

– А вы чем занимаетесь, Дамиан? – поинтересовалась Лина.

– О, это сложный вопрос, – он, не оборачиваясь, крутил руль, – у меня слишком слабый Дар, но при этом состояние велико. Поэтому я могу себе позволить заниматься тем, к чему душа лежит. Например, писать романы в альманахах Верхнего города.

– Как интересно.

Ей действительно стало интересно. Лина читать любила, даже очень. А тут – живой писатель.

– Смогу ли я ознакомиться с вашими работами?

– Разумеется! – голос Дамиана был полон энтузиазма, – особенно нравится дамам мой последний, приключенческий...

Повисла пауза, каждый думал о своем. Потом Лина спросила:

– А каков расход топлива у этого чудесного автомобиля?

– Двухфунтовый кристалл с восьмиуровневой зарядкой, если вы это имели в виду. Недешевое удовольствие, такие может делать только мой дядя, Дерек Вилмер.

– Мило, – жеманно хихикнула Лина, понимая, что вторгается в совершенно неизведанную область знаний.

– Да-а, я могу зарядить кристалл только до третьего уровня. На этом автомобиль и с места не двинется... А вот мы и приехали.

Он лихо перемахнул через свою дверцу, затем распахнул пассажирскую и подал Лине руку.

– Мисс Лина, позвольте пригласить вас на прогулку.

Городской парк Перхешта оказался весьма живописным уголком нетронутой природы среди лабиринтов города. Он чем-то напомнил Лине парк Петродворца, с вековыми дубами, соснами, елями. Только вместо Финского залива здесь был ухоженный пруд, в котором величественно плавали белые лебеди. Тянуло свежестью, и Дамиан, внезапно спохватившись, снял сюртук и набросил его Лине на плечи.

– Ой, зачем вы? – она поняла, что краснеет.

Подняла глаза на стоящего напротив мужчину – а доставала ему макушкой строго до плеча.

– Здесь... – он откашлялся, – слишком свежо. Не хочу вас застудить.

– А вы сами не боитесь подхватить простуду? – от смущения слова застредали в горле.

– Я крепкий, даже не сомневайтесь, – он улыбнулся, все так же внимательно глядя на нее.

Лина опустила глаза.

– Спасибо, Дамиан. Даже не знаю, как я буду благодарить вас за все, что вы для меня сделали.

– О, это сущие пустяки, – он вздохнул, повернулся и показал пальцев куда-то вперед, – идемте, там есть прекрасная беседка. Когда мы туда доберемся, вы уже утомитесь. А рядом продают отличные пирожные. Вы ведь не откажетесь от превосходного, воздушного бисквита со взбитыми сливками?

– А шоколадные там бывают?

– Прошу прощения?

Лина запоздало поняла, что сболтнула лишнего. Значит, шоколада здесь нет... или пока что нет...

– Мне кажется, раньше я слышала это слово, – пробормотала она, – идемте же.

И, дабы пресечь неловкую тему, сама взяла Дамиана под руку.

Пирожные оказались восхитительными, Лина таких не ела. Потом Дамиан купил еще лимонад, и они долго сидели в беседке с видом на озеро и болтали. С Дамианом все выходило легко и непринужденно, как будто они знали друг друга не меньше ста лет.

Лина смотрела на бледное мужественное лицо в обрамлении темно-каштановых, нарочито небрежно уложенных кудрей, и замирала в предвкушении... чего? Она пока сама не знала.

«Но ты же не будешь отрицать, что он тебе нравится?»

«Жаль только, что я ему не ровня. Да и вообще, видала я таких... холодных, высокомерных, надутых...»

Она растерялась. Ни один из перечисленных эпитетов Дамиану не подходил.

И моргнула в замешательстве, когда сильная рука накрыла ее пальчики.

– Лина, – тихо поинтересовался Дамиан, – вы в самом деле ничего не помните? Или какие-либо печальные обстоятельства заставили вас покинуть дом? Если это так, если только вас кто-то обидел... здесь вы будете в полной безопасности, клянусь.

Это было так... обезоруживающе, что Лина едва не рассказала ему, что произошло на самом деле. Но вовремя прикусила губу. Еще не время, она слишком мало его знает, чтобы быть уверенной... Покачала грустно головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.